ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 47-й

№ 19 (4513)

7 мая 1975 г. СРЕДА

ПОДВИГ НАРОДА БЕССМЕРТЕН!

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

1945 1975

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕРШИНАМ
Константин ФЕДИН

ЛИСТАЯ ФРОНТОВЫЕ БЛОКНОТЫ
Михаил АЛЕКСЕЕВ, Максим ГЕТТУЕВ, Александр ЖАРОВ, Темиркул УМЕТАЛИЕВ

ЛЕТОПИСЬ РАТНОЙ СЛАВЫ
Леонид НОВИЧЕНКО о военной теме в многонациональной советской литературе

ДИАЛОГ ПОЭТА И КРИТИКА
Михаил ДУДИН—Александр МИХАЙЛОВ

НАД НЕЗАБЫВАЕМЫМИ СТРАНИЦАМИ
Заметки Сергея НАРОВЧАТОВА и Альберта ЛИХАНОВА

ПРОЗА И СТИХИ О ВОЙНЕ
Николай ТИХОНОВ, Василь БЫКОВ, Юлия ДРУНИНА, Эдуард АСАДОВ, Константин ВАНШЕНКИН, Платон ВОРОНЬКО, Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС, Александр НИКОЛАЕВ, Марк СОБОЛЬ

СИБИРЬ В ДНИ ВОЙНЫ И В ДНИ МИРА
Сергей САРТАКОВ, Василий ФЕДОРОВ, Александр СМЕРДОВ, Виктор ПОТАНИН, Герои Социалистического Труда Андрей БОЧКИН и Александр ГЕОРГИЕВ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО
Очерк Евгения НОСОВА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ
Полемические заметки Николая ГРИБАЧЕВА

стр. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12, 13

Алексей СУРКОВ

НАША ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

В РАДОСТНЫЕ дни, когда мы празднуем тридцатилетие Победы в Великой Отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками, возникает естественное желание возвратиться памятью к тем годам, когда в огне небывалых в истории человечества сражений народ наш прокладывал дорогу к Победе.

Ведь в те годы история испытывала на прочность новый государственный строй, возникший в нашей стране в результате победы Октябрьской революции, испытывала на прочность нашу великую Родину — Союз Советских Социалистических Республик.

В первом трудном и горьком году войны, когда враг пожинал плоды внезапности своего вероломного нападения и временного военного превосходства, некоторым сторонним наблюдателям казалось, что судьба войны решена в пользу наглых и самоуверенных захватчиков, что трагическая для Советского Союза развязка — вопрос недель или месяцев.

Но в том же первом году войны народом нашим была явлена миру невиданная стойкость Красной Армии в обороне Одессы, Севастополя, Ленинграда, был нанесен врагу встречный сокрушительный удар в эпическом сражении под Москвой.

В тяжелых боях первых полутора лет войны советский народ патриотизмом и невиданной стойкостью развеял в прах надежду на «блицкриг», положенную в основу плана «Барбаросса», опрокинул суждения скептиков.

А потом, на рубеже коренного перелома в войне, прогремела на весь мир слава победоносной Сталинградской битвы. И советский солдат, идя на Запад через Курск и Орел, через Киев и Корсунь-Шевченковский, через сражения сорок четвертого года, очистившис от врага все советские земли, начал героический марш, завершившийся в поверженной столице врага нашей полной победой.

Из какого же недоступного пониманию сочинителей плана «Барбаросса» живительного источника черпали советские люди силу своей стойкости и наступательного порыва?

Почему, отступив до Сталинграда и кавказских предгорий, народ наш не истощил уверенности в правоте своего дела, не потерял крепившей его морально-политическое единство веры в свою грядущую победу?

Не в том ли была причина позорного краха гитлеровского «третьего рейха», что война эта была, не в пример всем прошлым войнам, которые знало человечество, поединком еще сильного, но уже исторически обреченного хищнического империализма с молодым, набирающим силу социализмом?!

Ответ миру известен: советский народ защищал свое родное **советское, социалистическое** государство, создавшее новый политический строй, новую экономическую систему и новую социалистическую общность людей, говорящих на разных языках, но объединенных одной великой исторической целью.

И во главе этого общества стояла и стоит партия, которую ее создатель Владимир Ильич Ленин вооружил всепобеждающим идейным оружием марксизма-ленинизма, партия, пользующаяся безграничным доверием народа, обладающая железной волей организатора масс и стратегией дальнего исторического прицела.

Смертельная опасность, нависшая над социалистическим Отечеством, до предела обострила в нашем народе чувство любви к родной земле, поставленной под угрозу иноземного порабощения, светлое и сильное чувство **социалистического** патриотизма.

Враг рассчитывал, что его военно-экономическое превосходство приведет нашу страну к экономическому краху, лишит ее сражающуюся армию оружия, боеприпасов, снаряжения и продовольствия.

Но в то трудное для нашей промышленности и сельского хозяйства время в полную силу сказались результаты первых предвоенных пятилеток и в промышленности, и в коллективизированном сельском хозяйстве. Когда главные промышленные центры европейской части страны были или оккупированы, или парализованы близостью фронта, свыше полутора тысяч предприятий со всем оборудованием и рабочими переехали на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию и там, на созданной в предвоенные пятилетки базе, развернулись для боя широким фронтом, глубина которого доходила

● ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.

«...ДОРОГИ ЭТИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ»

Москва. Центральный выставочный зал. Всесоюзная выставка «30 лет Великой Победы».

Здесь, в бывшем Манеже, — остановленные мгновения Великой Отечественной, памятные документы эпохи, произведения, дорогие каждому советскому человеку.

Плакат «Родина-мать зовет!» и ноты «Священной войны». Скульптура «Зоя» и полотно «Оборона Севастополя». Книги, рожденные войной и навсегда оставшиеся с нами... Кадры из незабываемых фильмов и знаменитая фотография «Знамя Победы над рейхстагом». Макеты возрожденных, вновь построенных городов...

Художники, писатели, архитекторы, кинематографисты, фотожурналисты представили также много новых работ.

Организаторы этой яркой выставки — Министерство культуры СССР, творческие союзы, Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Фото Георгия ПЕТРУСОВА (публикация В. Петрусовой).

Конст. ФЕДИН

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕРШИНАМ

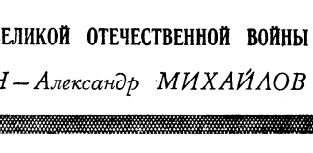
ПЕРВОЙ стре Победы — писал Ленин — и фашизм бы не нашлось. Без него стыдно ходить в жизни — стыдно, позорно. Ленин видел в фашизме бешеную ярость, порожденную ненавистью к Советам. Ленин видел в фашизме мерзкое, гнусное, подлое, ненавистное, ненавистное ему, ненавистное всем честным людям, всем, кто ценит свободу, ценит свободу, ценит свободу,

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ИЗ ПЛАМЯ И СВЕТА РОЖДЕННОЕ СЛОВО...

О ГРАЖДАНСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ОПЫТЕ ПОЭЗИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ДИАЛОГ ПОЭТА И КРИТИКА *Михаил ДУДИН – Александр МИХАЙЛОВ*



Ал. МИХАЙЛОВ. Начну с сакраментального: когда говорят пушки — музы молчат. Я ушел на фронт, но грохот пушек не смог заглушить моей потребности расслышать голос муз. Помню, как я обрадовался, когда мне из дому прислали томик Маяковского. И когда я вымеил на офицерский ремень томик Есенина. Эти книжки я пронес с собой через всю войну. Они доставили много радости не только мне, но и солдатам взвода, которым я командовал. А позже, когда я принял командование ротой, то все рота читала мои любимые поэты.

М. ДУДИН. А я в финскую войну пронес в своем вещевом мешке «Туда и обратно» Маяковского и одноименник Киплинга. Тоже действовало на душу, доставляло радость...

Ал. МИХАЙЛОВ. Ну, вы-то, Михаил Александрович, не только читали стихи, вы их писали. Причем, откровенно говоря, я до сих пор не совсем отчетливо представляю себе, как можно физически писать стихи на фронте, когда, как сказал Д. Кугультинов, «земля и облака в огонь, казалось, превратились!» — ведь минуты затишья на войне выпадают так редко...

М. ДУДИН. Об этом хорошо написал Сергей Орлов. Помните?

Я, может быть,
какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке
под огнем.

Ал. МИХАЙЛОВ. Ну, вот-вот, я про это и говорю. Как можно писать под огнем? Как в такие минуты могут приходить стихи в голову?

М. ДУДИН. Когда кончилась финская война, я попал на полуостров Ханко. Я был солдатом, коневодом у командира полка. Но коневод — только одна из моих обязанностей. Мы еще строили на Ханко укрепления. Свободного времени — ни минуты. Как я написал тогда книгу о финской войне, ей-богу, и сам не знаю. Но написал и послал книжку в «Звезду», в Ленинград.

Ал. МИХАЙЛОВ. Там тогда Николай Тихонов работал?

М. ДУДИН. Совершенно верно. Он мне и написал: «Заходите ко мне в «Звезду» или домой». Тихонов думал, что я живу в Ленинграде. Он меня и напечатал тогда. И Недогонова тоже. А пришли мы к нему уже значительно позже...

Ал. МИХАЙЛОВ. Пришли фронтовыми поэтами. Поэзии, которых родила война.

М. ДУДИН. Лучше сказать так: мы стали поэтами не благодаря войне, а вопреки ей.

Ал. МИХАЙЛОВ. То есть?..

М. ДУДИН. То есть сопротивляясь той разрушительной силе, которую несла в себе война. Закаливаясь и закаливая свои идеалы, проверяя их прочность и верность.

Ал. МИХАЙЛОВ. Как писал Муса Джалиль: «Умри, побеждая, и кто мертвецом тебя назовет, если был борцом?!» Да, жестокая это проверка. Ценою собственных жизней...

М. ДУДИН. Так оно и получалось. Сколько погибло поэтов! И каких! Суворов, Лебедев, Али Шогенцуков, Коган, Кульчицкий, Гудзенко хотя и умер после войны, но ведь фактически погиб на ней...

Ал. МИХАЙЛОВ. Да, он оказался пророком: «Мы не от старости умрем, — от старых ран умрем».

М. ДУДИН. И не только он. Многие фронтовые поэты предсказали собственную судьбу. Порой даже не думая, что предсказывают. Вот Мустай Карим. До войны он написал стихи о комсомольском билете. Романтические стихи о том, как на гражданской пуля угодила в грудь молодому бойцу и пробила комсомольский билет. И как, умирая, он передал этот билет товарищам.

Думал ли Мустай Карим, что почти все так и окажется на деле? Что ему, начальнику связи артдивизиона, осколок снаряда в сорок второй год пробьет навылет грудь у сердца? Что, когда он выносит с поля боя, пробитым окажется и его комсомольский билет? Конечно, не думал. Но все так и было. Поэта чудом спасли, а у старого его стихотворения появилась судьба, оно напомнилось реальным смыслом.

Ал. МИХАЙЛОВ. Но ведь этот случай говорит еще и о том, что поэт духовно, нравственно готовил себя к подвигу, к тому, что такое **может быть.**

М. ДУДИН. Разумеется. Вообще разговоры о некоей беспечности, царившей якобы перед войной, совершенно не соответствуют истине. Николай Тихонов еще в тридцать пятом в книге «Тень друга» предупреждал, что «чайки, рея в высоте, вдруг флотом смерти обернутся». А в сороковом в цикле «Осенние прогулки» обратился к тем, кто позже стали нашими боевыми подругами, с такими словами:

Я хочу, чтоб в это лето,
В лето, полное угроз,
Сень военного берета
Не коснулась ваших кос.
Чтоб зеленой куртки пламя
Не обвело б ваших плеч.
Чтобы друг ваш перед вами
Не посмел бы мертвым лечь.

Какая уж тут беспечность, если о времени сказано: «лето, полное угроз...».

Мы это читали, мы это заучивали, мы жили этим. Так в нас закладывался фундамент, на котором позже выросло то, что называют «фронтовой поэзией».

Ал. МИХАЙЛОВ. Я думаю, что эта мысль заслуживает того, чтобы на ней остановиться особо: наше поколение психологически, нравственно и идейно оказалось готово к войне. Мы знали, за что нам придется воевать и какую идею нам предстоит защищать с оружием в руках...

М. ДУДИН. И что эта идея — огромная, грандиозная. А если бы это было не так, не было бы фронтовой поэзии, не было бы нас. Потому что в основе всякого настоящего искусства лежит глобальная идея.

Пушкин в известном стихотворении, мечтая о будущем, обронил фразу о том, что «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Для того чтобы подчеркнуть интернациональное значение этой мысли, он вложил ее в уста своего друга, великого поэта Адама Мицкевича. Мне кажется, что вся литература прошлого века достигла огромных высот, развиваясь под знаком этой идеи.

А литература первых лет революции и гражданской войны, что отличает ее лучшие произведения? Идея социального равенства, огромная жажда мировой гармонии.

Вот и мы пришли на фронт, обуреваемые жаждой спасти землю, человечество от самой страшной язвы двадцатого века — фашизма. Эта идея и лежит в основе всей поэзии нашего поколения — лирической и эпической...

Ал. МИХАЙЛОВ. Так родился нравственный кодекс нашего поколения.

М. ДУДИН. Вот именно. Он родился, как я уже сказал, не благодаря войне, а как раз ей вопреки.

Ал. МИХАЙЛОВ. Из того, о чем мы с вами, Михаил Александрович, сейчас говорим, ясно, что наше, фронтовое поколение возникло не на пустом месте, что ему было что воспринять от старших своих товарищей.

М. ДУДИН. Еще бы! Думаю, что с этим согласен не только я. Наверное, с этим согласятся и Наровчатов, Луконин, Орлов, Межелайтис, Межиров, Мустай Карим, всех не перечислишь... Все мы воспринимали традиции советской поэзии в том смысле, что надо постоянно держать музу в мобилизационной готовности.

Ал. МИХАЙЛОВ.

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь,
И, задохнувшись,
«Интернационалом»
Упасть лицом на высохшие
травы.
И уж не встать,
и не попасть в анналы,
И даже блеском
славы не сыскать.

Это написано в апреле сорок первого. А в сентябре сорок второго автор этих строк, Павел Коган, погиб. Он как раз из тех поэтов, которые, как вы выразились, постоянно держали музу в мобилизационной готовности.

М. ДУДИН. Я еще и так сказал бы: он из тех поэтов, для которых стихи не профессия, а судьба.

Вспоминаю другого погибшего поэта — Георгия Суворова. Я познакомился с ним в блокадном Ленинграде на квартире у Тихонова. Он попал на Ленинградский фронт после госпиталя — залечил рану. Мы подружились. Он только вступал в поэзию.

В феврале сорок четвертого он снова приехал в Ленинград. Мы встретились и пошли с ним на концерт прекрасной пианистки Марии Вениаминовны Юдиной. Одета она была в черно-белое. Играла божественно.

После концерта Суворов мне сказал:

— Завидую только одним композиторам.

— Почему?

— Музыку не надо переводить на другие языки, она всем понятна.

Потом он сунул мне вчетверо сложенный листок бумаги и сказал:

— Это тебе.

Я положил листок в карман гимнастерки, и мы расстались.

А через два дня я получил сообщение, что он погиб при переправе через Наровы. Осталась его полевая сумка с тетрадью, которую передали мне. Мы с Николаем Семеновичем Тихоновым потом разобрали эту тетрадку стихов и издали ее отдельной книжкой в Гослитиздате.

Да, так вот — не сразу я вспомнил про листок в кармане гимнастерки. Вспомнил, достал, развернул его и прочел:

Еще утрами черный дым
Над разворочанным
клубится
Твоим жильем,
И падает обугленная птица.
Настигнутая бешеным
огнем.

Ал. МИХАЙЛОВ (подхватывая).

Еще ночами белыми
нам снятся,
Как вестники потерянной
любви,
Живые горы
голубых знаний
И в них восторженная
соловьи.

Неужели это были те самые стихи?

М. ДУДИН. Да, Александр Алексеевич, те самые:

Еще война. Но мы упрямо
верим,
Что будет день, —
мы выплем боль до дна.
Широкий мир нам вновь
раскроет двери,
С рассветом новым
встанет тишина.
Последний враг. Последний
меткий выстрел.
И первый пробежал уже
как стекло.
Мой милый друг,
я встанен как быстро,
Как быстро наше время
протекло.
В воспоминаньях
мы тужить не будем.
Зачем туманить грустью
ясность дней, —
Свой добрый век
мы прожили как люди...

Ал. МИХАЙЛОВ (подхватывая).

...И для людей.

М. ДУДИН. Да, это стихотворение теперь известно всем.

Ал. МИХАЙЛОВ. Так вот какова его судьба! За несколько дней до смерти Суворов пишет: «Свой добрый век мы прожили как люди — и для людей»!

М. ДУДИН. Между прочим, если бы мне дали из всей фронтовой поэзии выбрать какие-то строчки для эпиграфа ко всем стихам, написанным на войне, я выбрал бы из двух поэтов — эти из Суворова и из Твардовского, из поэмы «Василий Теркин»...

Ал. МИХАЙЛОВ.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради
славы,
Ради жизни на земле.

М. ДУДИН. Точно! Эти две цитаты, из Твардовского и из Суворова, — как два пограничных столба, между которыми размещается вся фронтовая поэзия. От сознания того, что «бой идет... не ради славы, ради жизни на земле», и до утверждения, что «свой добрый век мы прожили как люди — и для людей». Так сказать, цель и результат.

Ал. МИХАЙЛОВ. Да, тот же нравственный пафос и в стихах Н. Тихонова, А. Суркова, А. Прокофьева, М. Стельмаха, В. Инбер, К. Симонова, О. Берггольц, П. Воронько, П. Панченко. И в стихах С. Наровчатова, М. Луконина, Б. Кулиева, Б. Слуцкого, С. Мауленова, С. Орлова, Ю. Друнной, В. Давтяна, А. Межирова, Д. Самойлова. И тех, кто чуть младше вас, — Е. Винокурова, К. Ваншенкина. Наконец, в стихах О. Шпинского, Ю. Воронова, В. Сергеева, которые пусть и видели войну не в самом страшном и трагическом обличье, но ведь видели же! Они видели смерть и писали об этом, подхватывая общий для всех поэтов-фронтовиков пафос.

М. ДУДИН. И Г. Горбовский тоже.

Ал. МИХАЙЛОВ. Ну, Горбовский — из другого поколения, из тех, кто начинал со стихов о своем военном детстве, — из поколения Владимира Соколова, В. Торопышина...

М. ДУДИН. Евтушенко написал о том, как ему довелось плясать на свадьбах «в дни военные»...

Ал. МИХАЙЛОВ. Да, и Е. Евтушенко из этого поколения, и В. Цыбин...

М. ДУДИН. Но ведь вы сказали о Шестинском, Воронове и Сергееве: «Они видели смерть». И Горбовский ее видел.

Ал. МИХАЙЛОВ. Он так писал:

Война меня кормила
из помойки,
поровшься — и что-нибудь найдешь.
Как маленькая
мышка-землеройка,
как неногда пронырливый
Гаврош.

М. ДУДИН. А помните такие строчки в том же стихотворении: «И бешеные пульки, вместо пашек, чирикают по-своему...»?

Ал. МИХАЙЛОВ. Ну еще бы! Конечно, помню: «И дым, как будто знамя молодости, вставал, встает над горизонтом золотым...»

М. ДУДИН. Вот так и впечатлялось в память ребенка: пульки вместо птичек и дым, застилающий золотой горизонт...

Горбовский испытал тяготы войны, как говорится, на собственной шкуре. Он жил в Ленинграде, а в сорок первом мать отвезла его в Псковскую область, чтобы он летом погостил у родственников. Отвезла на лето, а увидела сына только через шесть лет. Он попал в оккупацию, на его глазах расстреливали людей, ему самому эта «чирикающая по-своему» пулька отстрелила палец. Словом, он такое пережил в детстве, что не дай бог никому! И вынес из этого опыта, пока, из этого ада живую, отзывчивую на всякую боль человеческую душу.

Ал. МИХАЙЛОВ. Да, только обладая такой душой, и можно сказать о беженцах: «Над ними свистели снаряды жестокою плетью войны... И были небесными взгляды с отсутствием всякой вины».

М. ДУДИН. Вот и мы писали и пишем о войне не ради войны. А о том, как проявила себя на войне человеческая душа. До сих пор у меня — и думаю, что у каждого на нас, — стоит перед глазами человеческая душа на фоне багрового неба войны...

Ал. МИХАЙЛОВ. А ведь сразу после войны шные нетерпеливые критики пытались переориентировать фронтовых поэтов на мирную тематику. Убеждая, что этот императивный акт не способствовал творческому развитию большинства фронтовых поэтов.

М. ДУДИН. Что ж. Я думаю, что поэты нашего поколения искренне хотели следовать советам послевоенной критики. Да и попробовать себя в других темах хотелось: в самом деле, что это я, дескать, все о войне и о войне. Но время показало, что уйти от собственного опыта, пытаться выразить то, что еще не наболело тобой, нельзя! Другое дело, что сейчас мы пишем не только о войне. Но ведь тридцать лет — срок немалый. К тому же, если вы заметили, какие бы темы ни поднимали мои товарищи, на их стихах лежит отсвет того нравственного опыта, который был приобретен на фронте.

Ал. МИХАЙЛОВ. Еще бы не заметить! Кого-кого, а фронтового поэта сразу узнаешь по чистоте дыхания, по искренности выраженного в стихах чувства, по честности перед собой и товарищами. И перед читателями, разумеется.

Я думаю, что эти качества связаны с внутренним постоянным ощущением своего нравственного долга перед павшими.

Наше поколение, быть может, и не выдвинуло из своей среды такой могучей фигуры, как, скажем, Твардовский, но в целом фронтовая поэзия оказалась одной из самых замечательных страниц нашей советской литературы.

Причем — мы обратили внимание? — поэзия фронтового поколения развития нашего реалистического искусства.

М. ДУДИН. Вполне понятно, почему никто из нас не свернул в сторону от реализма. Слишком серьезные вещи происходили на войне, чтобы, осмысливая их, еще и экспериментировать с формой.

Ал. МИХАЙЛОВ. Нет, что касается поэтики фронтовых стихов, то здесь я с вами не согласен, она настолько разнообразна, что...

М. ДУДИН. Простите, я вас перебью. И считаю, что у хорошей мысли должно быть хорошее выражение. Каким будет это хорошее выражение — другой вопрос. И то, что Луконин придерживался в своих стихах поэтики Маяковского, а, допустим, я — поэтики Некрасова, говорит о разнице характеров, а не о разнице душ.

Ал. МИХАЙЛОВ. Правильно. Но вы сейчас говорите о традициях, на которые каждый из вас ориентировался. А я говорю о том, что фронтовики обогатили поэтику, расширили возможности современного стиха. Я говорю о новаторстве фронтовой поэзии, фронтовой лирики.

Разве не новаторское ваше собственное стихотворение «Соловьи» по контрастной насыщенности образа и формы? А стихотворение Сергея Орлова «Его зарыли в шар земной...»? Ведь это впервые в поэзии на таком условном языке заговорил молодой поэт-солдат. Да что говорить, мы с вами здесь можем вспомнить сколько угодно ярких примеров, чтобы показать, что фронтовая поэзия вовсе не развивалась исключительно в русле старых канонов формы, она сама обогатила стих.

М. ДУДИН. Кстати, вопрос о новаторской сути фронтовой поэзии, кажется, никем еще не разработан. Его, по-моему, никто даже и ставить еще не пытался.

Ал. МИХАЙЛОВ. Нет, он поставлен в очень хорошей, на мой взгляд, книге воронежца Анатолия Абрамова. Правда, его книга многотемная, и чисто эстетические проблемы занимают меньше места, чем хотелось бы...

М. ДУДИН. Абрамов из нашего, фронтового, поколения.

Ал. МИХАЙЛОВ. Да, из нашего. Вообще о поэзии фронтового поколения пишут, как правило, представители того же поколения: Наровчатов, Валерий Дементьев, Александр Коган...

М. ДУДИН. Это какой Коган? Тот, что написал книгу о Пале Шубине?

Ал. МИХАЙЛОВ. Да, тот самый.

М. ДУДИН. Очень хорошая книга.

Ал. МИХАЙЛОВ. А вот критики последующих поколений почти не занимаются фронтовой поэзией. В отличие от молодых поэтов, которые много пишут о войне.

Любопытно, что у поэтов младшего поколения какой-то совершенно новый подход к военной теме. Я имею в виду не тех, кто пришел в поэзию в конце пятидесятых, а тех, кто пришел в поэзию в конце шестидесятых и даже в начале семидесятых. У них свой собственный, ни на кого не похожий подход к теме Великой Отечественной.

М. ДУДИН. Вы, конечно, знаете Владимира Семенова Жукова из Иванова?

Ал. МИХАЙЛОВ. Конечно, знаю. Очень хороший поэт.

М. ДУДИН. Мы вместе призывались в армию. Он был на финской, потом получил белый билет. Не удержался — и ушел добровольцем на фронт. Командовал пулеметной ротой, батальоном. Так вот у него есть такие стихотворение. Очень короткое:

С железных рукоятей
пулемета
он не снимал ладоней
в дни войны!...
опасная и страшная работа.
Не вздумайте взглянуть
со стороны.

Это очень точно сказано. На этот ратный труд, на тяжелейший труд солдата нельзя смотреть со стороны. Он не терпит интереса ради интереса, потому что за ним очень много крови, человеческих жизней, судеб народа, судеб времени.

Ал. МИХАЙЛОВ. Я понимаю, что вы хотите этим сказать. И я с вами согласен: ужасно, когда появляются стихи о войне, написанные холодным, сторонним наблюдателем. Но речь не о таких стихах. И не о таких стихотворцах. Речь о талантливых молодых поэтах. Я сказал, что они, родившиеся перед самой войной, по время войны или даже после, совершенно поиному пишут о войне, чем наше поколение или поколение тех, кто лет на десять моложе нас. Для новых поэтов фронтовики, то есть люди, одержавшие всемирно-историческую победу над фашизмом, уже стали героями легенды...

М. ДУДИН. Что ж, не так уж много нас и осталось...

Ал. МИХАЙЛОВ. И если для предшествующих поколений фронтовики — живые люди, со своими страстями, со своими бытовыми привычками, то для младшего поколения каждый из фронтовиков — человек, подернутый дымкой легендарности. Возьмите стихи Юрия Беличенко, где он так пишет о письмах не вернувшегося с фронта отца: «Мы — письма. На нас отпечаток истории». Или стихи Юрия Кузнецова. Вы увидите именно такое отношение к фронтовикам.

Помню, с каким редким единодушием критики, собравшиеся за «круглым столом» «Литературной газеты», высоко оценили стихотворение Юрия Кузнецова «Возвращение»:

Шел отец, шел отец,
невредим,
Через минное поле.
Превратился
в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.
Мама, мама,
война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб клубящийся
пыли идет
Через поле и порогу.

Здесь образ отца, подорвавшегося на мине, вырастает к жизни символику, условность. Детское видение «столб клубящейся пыли», о котором дальше сказано. «Словно машет из пыли рука, светят очи живые», — оказалось не просто однажды запечатленным в душе и выраженным теперь на бумаге. Нет, речь идет об образе именно легендарном, сотворенном легендой и вновь и вновь возникающем в своем уже легендарном облачении:

Всякий раз, когда мать его
ждет, —
Через поле и пашню
Столб крутящийся пыли
бредет,
Одинокий и страшный.

М. ДУДИН. То, о чем вы говорите, очень интересно. Я тоже с пристрастием — вполне понятным — читаю произведения нашей молодежи о войне. И в свою очередь могу отметить поэму молодого (но, увы, недавно скончавшегося) ленинградского поэта Александра Рытова «Тишина» — о послевоенной Германии. Очень жаль Рытова. Он начинал многообещающе. В его стихах нащупывалась тема глобального отношения к миру, масштабность мышления.

Масштабность всегда потрясает. Особенно в молодом поэте. Возьмите Николая Баратынского. Он умер в 27 лет. Он написал поэму «Судьба Грузии». В ней есть такие строчки:

Свою защиту
знаю наперед,
В России только Грузия
найдет!

Это написано в 1839 году. То есть оказалось, что уже в 22 года Баратынский обладал масштабностью мышления! И, как всякий великий поэт, оказался пророком.

Я знаю, что предъявляю к молодым очень высокий счет...

Ал. МИХАЙЛОВ. Что ж, подлинная поэзия не признает снисходительности, а неподлинная никому не нужна...

М. ДУДИН. Вот именно. Так если по высокому счету, то мне думается, что молодые должны наследовать фронтовой поэзии именно в масштабности мышления, глобальности основной идеи.

Ал. МИХАЙЛОВ. Так оно и есть. Стихи молодых поэтов — лучшие, конечно, — отличаются историзмом мышления, живым чувством времени, то есть тем, что так свойственно фронтовому поколению.

М. ДУДИН. Мне кажется, что для последующих за нами поколений особенно остро стоят вопросы экологии, защиты окружающей среды. И здесь, думается, молодые поэты опираются на нравственный опыт нашего, фронтового, поколения. В конце концов связь всех поколений советского народа самая прямая. И поколений советских поэтов тоже. Мы защищали землю от фашизма, и эта идея освобождения земли пронизывает нашу поэзию. Молодые стихи касаются со сложнейшими вопросами нашего века, в том числе и с самым насущным: быть или не быть Земле. Эта глобальная идея становится отличительной приметой их поэзии. И им без нашего нравственного опыта уже не обойтись. Мы накопили его и передаем им.

Ал. МИХАЙЛОВ. Я, пожалуй, к этому добавил бы, что фронтовые поэты сыграли свою положительную роль и в воспитании чувства патриотизма, которое так обострено сейчас у поэтической молодежи. Помните «Письмо с фронта» Иосифа Ноненшвили? Он говорит: «Я подобьем стрелы запах, я порохом дышу давно». Единственная его забота на фронте — «чтобы столпы, нерушимы, нерасторжимы, в полный рост, бессмертной родины вершины в лучах пятиконечных звезд...». Чувство ответственности, гордость за свое социалистическое Отечество — вот один из наглядных нравственных уроков, которые усваивают молодые поэты.

Да и вообще ведь интерес к теме войны, который в настоящее время ощущается всеми, возник не сегодня и не вчера. А сейчас обращение к минувшей войне — одна из главных тем и нашей поэзии, и нашей прозы. И сами фронтовики не устают писать о том, что было тридцать лет назад.

М. ДУДИН. И никогда не устанут. Война для нас оказалась главным потрясением: сопротивлялась ей, мы выковали свой характер, свое мировоззрение, мироощущение, свое отношение к жизни.

Ал. МИХАЙЛОВ. Наверное, что-то заложено в этом характере такое, из-за чего наше поколение не поддается моральной и нравственной амортизации и даже, на мой пристрастный взгляд, физической старости. Такая хорошая, такая оптимистическая закалка дала война, что я не могу представить себе моих ровесников-поэтов постаревшими ни физически, ни духовно. Они и не постареют — порукой этому их новые стихи, в которых я чувствую огромную одухотворенность, поистине молодой прибыток сил.

Ну что ж, заканчивая беседу, осталось нам с вами, Михаил Александрович, поздравить друг друга с великим праздником — тридцатилетием нашей Победы, одержанной советским народом «ради жизни на земле».

М. ДУДИН. Давайте воспользуемся предоставленной нам трибуной и поздравим с этим праздником всех читателей «Л.Г.», и прежде всего тех, кто внес в общую нашу победу свою лепту.

ПОЧТА «ЛГ»

ПОДАРОК ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ

Эту фотографию мы показали в дни празднования 90-летия со дня рождения А. Н. Толстого его вдова — Людмила Ильинична.

...Глядя на снимок, я вспомнил август 1941 года. Фашистские полчища рвались к Москве.

В воздушном бою летчик истребительного полка Виктор Киселев одним из первых неделю спустя после Виктора Талалихина, таранил вражеский бомбардировщик. Самолет его погиб, а солдатский билетик остался неразменным. Киселев был награжден орденом Ленина.

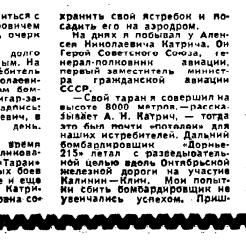
В те августовские дни в Москве состоялся Всесоюзный митинг, на котором председательствовал А. Н. Толстой. Он решил побывать в авиационном полку, рассказать летчикам о прошедшем митинге, познакомиться с Виктором Александровичем Киселевым и написать очерк о нем.

Алексей Николаевич долго беседовал с В. Киселевым. На прощание летчик-истребитель подарил Алексею Николаевичу найденный в обгоревшем бомбардировщике портсигар-зажигалку. И сделал надпись: «Вам, Алексей Николаевич, в мой знаменательный день. Л-т Киселев».

А через некоторое время «Красная звезда» опубликовала очерк А. Толстого «Таран» — о мастерах воздушных боев лейтенанте В. Киселеве и еще об одном летчике — А. Катрыче, сумевшем после тарана сохранить свой истребок и посадить его на аэродром.

На днях я побывал у Алексея Николаевича Катрыча. Он Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, первый заместитель министра гражданской авиации СССР.

— Свой таран я совершил на высоте 800 метров, — рассказывает А. Н. Катрич, — тогда это были почти «поплавки» для наших истребителей. Дальний бомбардировщик «Дорнье-215» летал с разведывательной целью вдоль Октябрьской железной дороги на участке Калинин—Клин. Мои попытки сбить бомбардировщик не увенчались успехом. Пришлось прибегнуть к тарану. А свой «МИГ-1» я сохранил.



Во время Великой Отечественной войны я сбил четырнадцать вражеских самолетов. Пришлось летать на многих истребителях. Один из них, «ЯК-3», был приобретен на сбережения председателя колхоза «Чапаевец» Чапаевского района Саратовской области И. Д. Фролова и передан нашему полку как подарок, а другой — на средства работников Октябрьского колхоза, что на Харьковщине.

* * *

После войны Алексей Николаевич Катрич продолжал летать, освоил и сверхзвуковые истребители. За овладение новой техникой удостоен звания «Заслуженный военный летчик СССР». Окончил Военно-воздушную Краснознаменную академию и Академию Генерального штаба.

Поздно вечером в служебном кабинете заместителя министра закончилась наша беседа, а он еще не собирался уходить домой. Было много неотложных дел...

Д. МЕДВЕДОВСКИЙ,
гвардии майор запаса

Н. Озерская (секретарь писателя), Д. Медведовский, А. Толстой и лейтенант В. Киселев. (Снимок сделан 14 августа 1941 года в Х. Хэнтоне).

НАД ЛЮБИМОЙ СТРОКОЙ

Сергей НАРОВЧАТОВ

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ А. ТВАРДОВСКОГО

СОВЕТСКИЙ народ чтит память павших не только памятниками и мемориалами, названиями улиц и кораблей, но всем своим движением вперед, к цели, за которую отдали жизнь погибшие на войне задолго до нынешних дней. Поэт, создавший бессмертную поэму, названную по имени ее героя «Василий Теркин», сказал об этом прекрасными и мудрыми словами...

Могучий талант Александра Твардовского поднял невероятную тяжесть народной трагедии и, что еще более невероятно, сумел дать ей исход. Поэт сделал это в произведении, озаглавленном «Я убит подо Ржевом». Предоставим спорить литературоведам, большое это стихотворение или маленькая поэма. К какому жанру им отнести, великая вещь не перестанет быть великой.

Помню, читались эти стихи, когда война была еще совсем свежа в памяти. Напоминала она о себе на каждом шагу. Разрушенными зданиями, обгорелыми стенами домов, залитыми водой. Мужчины донашивали военные гимнастерки и шинели, дотаптывали армейские сапоги. На улицах было полно безруких и безногих. Еще держались карточки, в домах было холодновато. Но над страной сиял неугасимый свет Победы. Общее чувство было такое: раз уж с войной справились, то мирную жизнь наладим не сегодня, так завтра. И все же каждого, вернувшегося с фронта, да и тех, кто находился в тылу, не оставляла мысль о погибших. Ведь они были тогда почти в каждой семье. И вот прозвучал их голос. С резкой силой удары по ним, по неуходившимся нервам:

Я убит подо Ржевом,
В Безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Достоверность — почти как в боевом донесении. И пробирала она поэтому, как морозом по коже. Шутка ли дело, человек заявляет о себе: «Я убит...» Во сне не приснится.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть
С обрыва —
И ни дна ни покрышки.

Так говорили в госпиталях солдаты о контузиях, бросавших их в беспамятный провал. Но от такой контузии, как в стихах Твардовского, люди уже не приходили в себя.

Я — где корни слепые
Ищут норма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травины и травинки
Речка травы прядет, —
Там, туда на поминки
Даже мать не придет.

«Корни слепые» и «крик петушиный» — образы гоголевской силы. Мы часто пишем о поэтической условности, никак не объясняя. Между тем вопрос этот чрезвычайно сложен и уходит корнями в философию творчества. Прослеживы нити, связывающие Твардовского с Некрасовым, мало обращается внимания на близость к Гоголю. А она всегда ощущается там, где в стихи поэта вторгается фантастическая стихия.

Проще всего будет обозначить, как условность, обращение к погибшему подо Ржевом солдату. Но когда вы читаете: «Я — где корни слепые ищут норма во тьме», — зловещий холодок, проходящий по спине, решительно отторгает вас от литературоведческого термина. Какая уж тут условность, когда эти корни того глаза дотянутся до вас! Так же воспринимаете вы черную точку в светящемся теле страшной русалочки в «Майской ночи» и черта, перебрасывающего из руки в руку горячий месяц в «Ночи перед рождеством». Вами завладевает сила более мощная, чем условность. Имя ее — фантастичность. Вы невольно погружаетесь в нее и с этого момента принимаете на согласные с разумом законы. Гоголевская фантастичность, безусловно, народного происхождения, и напрасные поиски первоисточников «Вия» лишний раз это доказывают. Насколько близка к украинской мифологии оказалась история о бурсаке и ведьме, что целые поколения исследователей были сбиты в толку.

Народное происхождение фантастичности Твардовского роднит ее с гоголевской. Седой сказочностью дышат строки: «Где травинка к травинке речка травы прядет, — там, туда на поминки даже мать не придет». А чего стоит словцо «даже»! Да, видно совсем уж распрогобильное место, где лежит солдат, раз даже мать не сможет туда добраться!...

Итак, мы в во власти условности, место которой на театральных подмостках, а подняты над миром крылатой фантастичностью истинной поэзии.

И вот мы с вами живем мыслями и чувствами русского человека, отдавшего свою жизнь для Победы, но погибшего задолго до ее прихода. Ох, как не легки эти солдатские думы!..

Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев, наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Это жестко был стражам,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Догадки, одна страшнее другой, поднимаются из-под «стеблей горьких», где лежит боец. В догадках воскрешаются горькие возможности отступления, продиктованные наконец всеармейский призыв «Ни шагу назад!». Может быть, не только Дон был потерян, а «в заволжской дали степные рыли окопы», и с болью дошли до пределов Европы»?! Но даже если так судьбилось, то

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя грань
На дороге военной.

Ведь нужно павшим только одно:

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Бессмертная сила этих строк — в их всеобъемлющей исторической правдивости. Любой фронтовик мысленно может подставить себя на место погибшего в сорок втором солдата. И за минуту до смерти он думал бы о жизни теми же мыслями. О том, что стоит на последней пяди русской земли и не отдаст ее врагу, о том, что Родина будет спасена, о том, что мы пойдем на запад, далеко пойдем...

Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Утверждается святое равноправие живых и павших: «Те, что живы, что пали, — были мы наравне». И, как подытоживающий завет, —

И никто перед нами
Из земных не в ладу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу.

Да, дело именно в этом. Историческое дело, историческое движение вперед. Каждый несет знамя до тех пор, пока сможет, пока смерть не охладит руки и пока вслед идущий не подхватит древко.

Резюмем превращается в апофеоз, и завещание павших звенит торжественной нотой:

Я вам жить завещаю, —
Что я больше могу?
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родной отчизне
С честью дальше служить.

Заветы павших — заветы народной этики, заветы правды, заветы истории. Примените эти понятия к заключительным строкам стихотворения — и вы еще раз увертитесь в их непреходящем значении.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

Александр Твардовский поднял на огромную высоту три святых слова: ответственность перед павшими. Эти слова советский народ пронес через три десятилетия, прошедшие со дня Победы над фашизмом. Словам этим жить, пока жива память о Великой Отечественной войне. А память о ней останется в народе навсегда.

Она учит жить.

Учат любые поколения. ТЕМА народного подвига неисчерпаема, и не удивительно, что с течением времени наша литература обогащается все новыми и новыми талантливыми произведениями о войне. Но новые книги не заслоняют прежнего, созданного три десятилетия назад, а дополняют написанное по горячим следам событий.

Читая книги о войне, написанные и вчера, и сегодня, новые читательские поколения словно сами становятся участниками легендарных событий. Вместе с героями книг молодые люди как бы повторяют подвиг отцов, принимая бой, возвращаясь в разрушенные города и деревни, буквально на своем опыте постигая науку гуманизма и ненависти. Литература о подвиге народном, в сущности, сближает поколения советских людей, вызывая эмоции, общие для различных возрастов.

Помню, как в «Правде» появился рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека». Люди зачитывали газету, как говорится, до дыр. Мне кажется, даже многомиллионного тиража «Правды» не хватило на всех. Пример «Судьбы человека» — это пример того, как литературное произведение с момента его публикации сразу становится достоянием духовной жизни всего народа. Причину такого признания я вижу в том, что в судьбе простого солдата Андрея Соколова отразилась судьба народная. Высочайший его гуманизм, безоглядная доброта тем и продиктованы, что сам он прошел все круги военного ада и вынес на плечах своих то, что, кажется, непосильно смертному человеку.

Андрей Соколов выстоял, сохранив в себе главнейшие человеческие качества не только в силу постоянства героических свойств, заключенных в его характере, но и потому, что в нем жила неистребимая вера в победу добра над злом. Трагедия войны не уничтожила в советских людях истинно человеческую солидарность. Как ветер раздувает костер, так военное лихолетье лишь сделало ярче, заметнее благородство и величие нашего народа.

«Судьба человека» очень тесно переплелась в моем сознании с «Русским характером» Алексея Толстого. Когда речь заходит об Андрее Соколове, я сразу вспоминаю Егора Дремова. Очень близки по духу эти герои. Находясь на войне, они живут как бы в двух измерениях времени — настоящем и будущем. Дело здесь, видимо, в том, что и «Судьба человека», и «Русский характер» — это рассказы не только о страданиях человеческих, но и о преодолении трагедии. Это рассказы о будущем, хотя, казалось бы, как раз будущее и отняла война у их героев. Оба эти рассказа — о единстве, родстве душ наших людей, о том, как сплотили их годы военных невзгод.

«Непокоренные» Бориса Горбатова, «Волоколамское шоссе» Александра Бека, «Звезда» Эммануила Казакевича — эти книги читают запоем уже многие десятилетия многие поколения читателей. Совершенно разные по материалу, по проблемам, которые в них поднимали писатели, произведения эти учат одному — быть достойным героев. Продолжать их дело, отстаивать их идеалы досталось нам — наследникам Победы. Своим трудом и кровью они завоевали для нас, потомков, счастье жить и трудиться на мирной земле.

Еще в детстве, узнавая о подвигах Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, Олега Кошевого и его товарищей, задавался я, как, наверное, и многие другие, простым, но важным вопросом: а смог бы я так? Сила воздействия литературы в том, видно, и заключена, что героический пример поверяет жизнь любого подобной определенностью вопроса. Уж в очень необычайных обстоятельствах совершали свои подвиги молодые герои. Сколько силы воли, просто физической выносливости требовалось от человека, чтобы вынести пытки, чтобы идти на смерть, чтобы ответить на гамлетовское «Быть или не быть?».

Но ведь можно же, думалось, уступить, согласиться, а потом, вернувшись к своим, обратить всю силу возросшей ненависти против врага?

Но отчего же тогда ни Олег Кошевой, ни Сергей Тюленин, ни Любовь Шевцова, ни Ульяна Громова — никто из молодогвардейцев не может даже подумать о возможности хоть на секунду, хоть на мгновение поступиться своими идеалами? Быть честным и последовательным до конца, до последнего вздоха — этот нравственный максимализм и привлекает нас в героях.

Вопрос о том, можно ли, пусть на мгновение, заключить перемирие со злом, а потом это соглашение расторгнуть, был наивным, детским. Возраст и сознание расставили все по своим местам. Но вот спустя много лет после того, как я впервые задумался над страницами «Молодой гвардии», я читаю «Сотникова» Василя Быкова и узнаю, что наивность детского вопроса вовсе не была наивной. Что в войне, выбирая жизнь или смерть, находились люди, спасавшие свою шкуру малодушным компромиссом, который, однако, обращался в предательство.

Раз дрогнув, непременно покатишься в пропасть, предать временно, на минуточку, чтобы спастись, а затем снести и преданного, невозможно, либо в выборе — быть или не быть — третьего не дано.

Я думаю, сила литературы о человеке на войне, ее значение для последующих поколений состоят прежде всего в том, что в этих книгах раскрыто нерасделимое единство высокой идейности и нравственности, идейности и человечности.

«Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого является ярким подтверждением того, что жизнь и литература — сообщающиеся сосуды, наполняющие и обогащающие друг друга. Образ героя-летчика, во многом «списанный» с реального человека, уже не одно десятилетие потрясает воображение все новых и новых читательских поколений на всех континентах планеты. Уже одно это подтверждает, что слово «списанный», употребленное мною, может стоить только в кавычках: пример, взятый из жизни, обогащенный художественным видением, переплавленный в типический образ, живет самостоятельно, обогащая жизнь, призывая молодежь новых поколений к беззаветному мужеству. Действительность обогатила художника, а его деяние обогащает жизнь...

Творчество писателя, рассказывающего о войне, само по себе часто сродни подвигу. Сколько сил, сколько гражданской страсти и мужества проявил С. С. Смирнов, отыскивая свидетельства о героях Брестской крепости, а затем создавая свою поразительнейшую книгу. Воспроизводя — день за днем, факт за фактом, лицо за лицом — историю обороны Брестской крепости, писатель исследует нравственные истоки героизма советского народа.

В страшных событиях войны гуманистические идеалы не утрачивают своих сил, но обретают новый смысл, новое наполнение. Об этом — нелегкие, порой мучительные мысли командарма Серпилина. Об этом — вся трилогия Константина Симонова «Живые и мертвые».

Простая вроде бы истина — солдатами не рождаются. Но размышления писателя о том, как и почему становятся солдатами, художественное исследование, что при этом происходит с душой человека, — те вопросы, которые позволяют Константину Симонову обнажить нравственные основы личности советского человека. Война невозможна без жертв. За каждый успех приходилось платить кровью. Но абсолютно справедливы жертвы и нельзя ли их избежать? Социалистический гуманизм как высшая форма гуманизма, преемственность гуманистических идеалов нашей «мирной» и «военной» жизни, наконец, проверка гуманизма нового мира на прочность военными испытаниями, все эти проблемы — главный нерв трилогии. Пафос гуманистических мыслей Серпилина о самоценности человеческой жизни актуален всегда.

Размышляя о войне, я часто думаю: для скольких ребят и девушек война стала началом сознательной, самостоятельной жизни! Как вихрь, все сметающий на своем пути, она ворвалась в их юные годы.

Что ж, война изменила судьбы, течение жизненного пути. Но не нравственные ориентиры. И об этом в полный голос сказали писатели, чья собственная юность пришлась на тяжкую пору военного испытания.

В войну они вступали юношами, не помышлявшими о литературе, они завершили воевать, оставаясь такими же, кого в нынешнее время еще зовут молодыми, и, пожалуй, не считали себя молодыми, потому что зрелость не всегда совпадает с годами и не одним лишь временем определяется. Судя по их книгам, судя по тому, что и как говорят они о войне, они не могли не стать писателями. Писателями их сотворила жизнь. А их жизнь была такою: их жизнь была смерть друзей и собственные раны.

Многие из героев Юрия Бондарева ослепительно молоды. Вспомним хотя бы окончивших училище лейтенантов из «Горячего снега», юного артиллерийского офицера Новикова из «Последних залпов». Где черпали эти ребята силы, уверенность, твердость — качества, которые позволяют им выстоять наперекор всему? Ведь для многих из них страшнейшие схватки с врагом стали первым боевым крещением. Ответ может быть лишь один: беззаветно преданными своему народу, свято верящими в коммунистические идеалы, готовыми отдать жизнь, защищая завоевания революции, воспитала их наша Родина.

Многие из уроков, пройденных молодыми на войне, пригодились им позже. Вернувшись к «гражданской» жизни, такие люди сумеют сделать много разумного и доброго, опираясь на опыт — не военный, а человеческий опыт, приобретенный в военные годы. Я верю, что из таких, как Бузенцов, Уханов, Новиков, выросли начальники крупнейших наших строек, руководители промышленности, государства. Война стала для них суровой школой. В послевоенной жизни, в наши дни эти люди — сами прекрасные педагоги, воспитывающие своих учеников.

Не так давно я разговаривал с Михаилом Алексеевым о «Солдатах», о «Дивизионке», об «Ивушке неплакучей». Я его спросил: почему его книги раньше рассказывали о войне, теперь о деревне? Потому, ответил Алексеев, что вначале мой герой воевал, потом вернулись с фронта домой, стали жить дальше. В этой диалектике не только история творчества одного лишь писателя — в ней суть литературы вообще. Не о войне пишут наши «военные» писатели, а о человеке на войне. Вот почему опыт литературы о войне применим к литературе и наших нынешних, и будущих времен, и самых, что говорится, разнообразных тем.

У Сергея Баруздина есть роман с не зеленым названием «Повторение пройденного». Его герои повторяют на войне те истины, что были преподаны им в довоенной школе. На сей раз истины эти требовали повторения не словесного, но действенного, — своей жизнью, своей кровью.

Пройденное советской литературой, рассказавшей о человеке на войне, требует нравственного повторения и сейчас, и в будущем. Не хочу быть неверно понятым: под повторением я разумею творческое предложение истин, столь резко обнаженных во время войны и, может быть, затертых обыденностью повседневной, «обычной» жизни. Ведь подвиг возможен и в мирной жизни, более того — он даже предполагается самим мирным трудом.

В романе Вадима Кожевникова «В полдень на солнечной стороне» жизнь военная и мирная показаны в их неразрывной связи. В сохранении душевной цельности героев, в этой своеобразной эстафете нравственной чистоты я вижу «наследственную» силу героев-фронтовиков.

Многие произведения Понтелеймона Невежина, Анатолия Ананьева, Виктора Астафьева, Тахави Ахтанова, Григория Бакланова, Бориса Васильева, Олеся Гончара, Константина Лордкипанидзе, Фатеха Ниязи, Евгения Носова, Василия Росликова о войне написаны в наши дни, спустя два-три десятилетия после Победы. Эти талантливые произведения о войне с временным отдалением войны становятся все ярче, все выразительнее. Все глубже и осмысленнее оценивается подвиг народа, высочайший героизм партии и армии.

Очень показательной мне представляется драматургическая работа Анатолия Алексина, новое обращение к «Молодой гвардии». В фадеевском романе фельдкомендант Клер упоминает в одной лишь главе. Алексин строит на этом пьесу. Клер попрашивает молодогвардейцев, он пытается выяснить природу их сопротивления, применяя к молодогвардейцам, как ему кажется, естественные «колодки» человеческой натуры. Сшибка двух мировоззрений позволяет художнику как бы вновь, по-новому законспектировать истоки подвига, подчеркнув красным карандашом для нынешней молодежи, для тех, кто не знал войны, главное.

Мне кажется, молодогвардейцы, Зоя Космодемьянская, тысячи и тысячи подвигов, равных этим, будут в последующем вновь и вновь привлекать внимание писателей: ведь героизм дня сегодняшнего и будущего будет искать истоки в уникальных подвигах войны.

Чем дальше от войны, тем явственней, тем крупнее, тем значительнее для нас героическое прошлое. Возвращаясь к памяти военного прошлого, писатели ищут и находят в нем нравственные мерила нашей сегодняшней жизни, помогают читателю лучше понять не только трудную правду войны, но и правду нынешней мирной жизни.

* * *

...На студенческой военной практике мы стреляли по мишеням движущихся танков из снятых с вооружения знаменитых «сорокапяток». Давались три снаряда: макет, сооруженный из бревен и парусины, полз на тебя, а ты, обливаясь потом, трясясь от возбуждения, принимал к панораме и вертел ручки наводки. Потом нажимал спуск. Пушка подпрыгивала, как лягушонок, а танк все приближался, и ты вдруг приказывал себе не валять дурака и не трястись, а делать все согласно правилам и обстановке.

В азарте многие забывали в последнее мгновение отодвинуться от панорамы и ходили потом забинтованные, с рассеченными бровями. Это было безобидное учение, вовсе не война.

Нам достались танки, сделанные из бревен и парусины.

Им достались настоящие танки...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Альберт ЛИХАНОВ

В КНИГАХ, В СЕРДЦЕ, В ПАМЯТИ

ЛИТЕРАТУРА О ВОЙНЕ... ВСЕ НОВЫЕ И НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ СЛОВНО САМИ СТАНОВЯТСЯ УЧАСТНИКАМИ ЛЕГЕНДАРНЫХ СОБЫТИЙ.

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ХУДОЖНИК И КНИГА

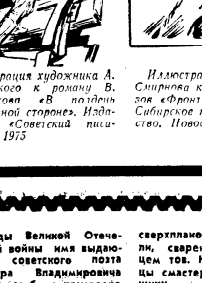


Иллюстрация художника А. Бибановского к роману В. Кожевникова «В полдень на солнечной стороне». Издательство «Советский писатель». М. 1975

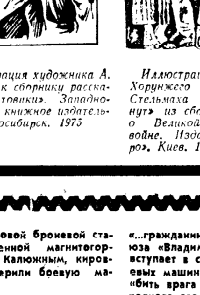


Иллюстрация художника А. Смирнова к сборнику рассказов «Фронтовики». Западно-Сибирское книжное издательство. Новосибирск. 1975

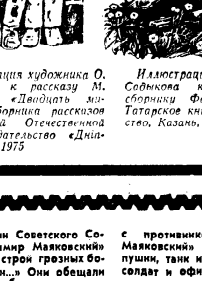


Иллюстрация художника О. Хорунжего к рассказу М. Стельмаха «Двадцать минут» из сборника рассказов о Великой Отечественной войне. Издательство «Днипро». Киев. 1975

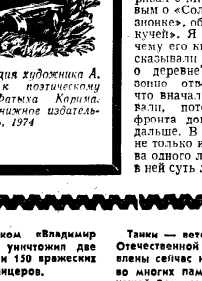


Иллюстрация художника А. Седыкова к поэтическому сборнику Фатыха Карима. Татарское книжное издательство. Казань. 1974

ПОЧТА «ЛГ»

ТАНК «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ»

В годы Великой Отечественной войны имя выдающегося советского поэта Владимира Владимировича Маяковского было присвоено трем танкам.

Расскажу о судьбе одного из них. Известный артист Владимир Яхонтов обратился к Верховному Главнокомандующему с просьбой принять 165 тысяч рублей для изготовления танка «Владимир Маяковский». Из сверхпрочной броневой стали, сваренной магнитогорцем тов. Калюжным, кировцы сластерили боевую машину.

И вот 11 сентября 1944 года танк со светло-бронзовой надписью на башне прямо с торжественного заводского митинга отправился на позицию. Командир части полковник Беленко и его заместитель подполковник Авраамов известили Яхонтова: «...гражданин Советского Союза «Владимир Маяковский» вступает в строй грозных боевых машин...» Они обещали «бить врага без промаха до полного его уничтожения».

Наступила Победа. И вскоре тов. Беленко написал артисту о славном боевом пути этого танка. Экипаж командира — гвардии лейтенанта Юрия Лотышева сражался отважно во многих боях. В одной из схваток с противником «Владимир Маяковский» уничтожил две пушки, танк и 150 вражеских солдат и офицеров.

Танк «Владимир Маяковский» и в послевоенные годы оставался на вооружении. Один из его экипажей во главе с комсомольцем гвардии лейтенантом тов. Поповым получил в 1949 году благодарность за отличное сохранение боевой техники и безупречную службу.

Танки — ветераны Великой Отечественной войны установлены сейчас на постаментах во многих памятных местах нашей родины. Мы тоже бы и танку-памятнику «Владимир Маяковский» не водиться на пьедестале, символизируя поэзию подвига и подвиг поэта!

Эд. ЗИНОВЕНКО,
старший инструктор Армянского отдела Мосгорисполкома

Николай ТИХОНОВ

Из фронтовых записей

«МЕНЯ НЕЛЬЗЯ УБИТЬ...»

Николай ТИХОНОВ. 1946 г.

Людям, о котором пойдет моя рассказ, я не стал бы рассказывать никогда, если бы не одна его фраза. И при второй же встрече с ним я вспомнил эту фразу, что был единственным человеком, который мне рассказывал о своей контузии. Я вспомнил эту фразу, когда мне рассказывали, что в нашей армии, на его фронтовом участке, в первые дни войны, был такой случай. Он тогда, в начале войны, командовал полком, который держал оборону на одном из направлений, ведущих к Ленинграду. Полк был прорван, и, чтобы остановить и выдворить его первых гитлеровцев, Тимошенков направил полк на другое направление — туда, где начинался прорыв. Полк, не имея времени даже на то, чтобы выгрузиться из вагонов, с ходу, в лоб, ударил по гитлеровцам, которые уже прорвались в тылу. Тимошенков направился в полк, в самое пекло, и, когда, в ходе боя, полк, потеряв почти половину своего состава, стал отходить, Тимошенков, с несколькими бойцами и командиром полка, был ранен и контужен. Его вынесли из боя, и, когда он пришел в себя, он, не зная, что с ним, сказал: «Меня нельзя убить!» Я, конечно, не знаю, что в этот момент подумал Тимошенков, и, если бы я не знал, что он, в прошлом, был кавалеристом, то, может, и не вспомнил бы о его фразе. Но я знал, что он, в прошлом, был кавалеристом, и, когда мне рассказывали о его ранении, я вспомнил, что, в прошлом, он был кавалеристом, и, вспомнив, я подумал, что, в прошлом, он, в кавалерии, был, конечно, не рядовым, а, может, и не командиром эскадрона, а, может, и не командиром полка, а, может, и не командиром дивизии, а, может, и не командиром корпуса, а, может, и не командиром армии, а, может, и не командиром фронта, а, может, и не командиром всей кавалерии, а, может, и не командиром всей армии, а, может, и не командиром всей Красной армии, а, может, и не командиром всего Красного войска, а, может, и не командиром всего Красного флота, а, может, и не командиром всего Красного воздушного флота, а, может, и не командиром всего Красного воздушно-космического флота, а, может, и не командиром всего Красного воздушно-космического флота, а, может, и не командиром всего Красного воздушно-космического

МУЗЫ В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

«Когда гремит оружие, музы молчат». Великая Отечественная война опровергла это древнее утверждение. Наше советское искусство, не ожидая призывных повесток, с первыми добровольцами встало в воинский строй. И служило доблестно, активно утверждая правоту нашего дела, предвидя Родине, беззаветную веру в Победу.

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» — это мы услышали в первые дни войны, запомнили навсегда. В золотой фонд нашей культуры вошли созданные в те годы многие замечательные произведения, ярко запечатлевшие подвиг народа-победителя.

На фронтовых дорогах становилось теплее, и на душе становилось светлее от хорошей песни, от встречи с любимым артистом. Эти встречи придавали новые силы солдатам.

А. ГЕТМАН,
генерал армии, Герой Советского Союза

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,

лауреат Ленинской премии, народный артист СССР

СОЛОВЬИ

ГОСТИНИЦА «Москва», что в самом центре столицы, опустела в первые же тревожные дни. Окна просторных холлов были завешены плотной синей бумагой. Исчезли ковры и дорожки. Шаги немногих постояльцев глухим эхом отдавались в номерах, расположенных по обе стороны длинных и узких коридоров, скупо освещенных синими маскировочными лампочками.

В годы войны у меня не было постоянного места жительства. Я ездил на фронт, преимущественно Калининский, и возвращался в Москву по вызову Всесоюзного радио. Ездил в Чкалов, Свердловск. И опять фронт. Опять Москва. В эти годы гостиница «Москва» была мне родным домом. Неуютная, затемненная, холодная, она казалась нам раем земным по сравнению с суровым фронтовым бытом.

Но с каждым приездом в Москву что-то менялось. В тысяча девятьсот сорок третьем все было так же спартански сурово, но поведение дежурных, администраторов, коридорных и горничных, настроение жильцов и даже эхо шагов становились иными, мажорными, что ли. Народу в гостинице прибавилось, быт как-то устоялся. У меня увеличивался список фронтовых друзей, заходивших на огонек.

Я рассказываю подробно о нашем военном быте, чтобы легче восстановить обстановку, в которой мы жили и работали, деля время между фронтовыми поездками, концертами в тылу, работой на радио, встречами с авторами, ночными мучениями у расстроенного гостиничного рояля и длинными беседами с друзьями, точно так же ненадолго приезжавшими в Москву по дороге с одного фронта на другой. Война шла к концу. Стены гостиницы «Москва» сотрясались по вечерам от салютов победоносным войскам. Торжествующий голос Левитана читал по радио не только сводки Совинформбюро, но и приказы Верховного Главнокомандующего о присвоении частям и соединениям Советской Армии гвардейских званий и названия освобожденных городов.

В Москву приехал Алексей Фатьянов, с которым в то время я очень много работал. Он получил краткосрочный отпуск после того, как одним из первых ворвался на танке в венгерский город Секешфехервар. В этот приезд он привез новые стихи и читал мне их всю ночь напролет, перемежая стихи рассказами о фронтовых делах.

Вот тогда-то я услышал лирическое стихотворение о соловьях. Я не спал после этого дня два — не мог сладить с необычайным волнением, охватившим меня. Еще шла война, еще лилась кровь, и наши советские парни гибли на полях сражений. Победа была уже близка, она была неотвратима, и тем ужаснее в своей жестокости были человеческие жертвы. Умирать всегда тяжело. Вдвойне тяжело умирать накануне победы, не дождавшись ее торжества.

...Мы много говорили об этом, и вдруг... соловьи, лирика...

Но я уже знал, что в самые трудные часы, в самые тяжелые дни, в самое суровое время солдату нужна разрядка. Нужны, конечно, рассказы о мужестве, о героизме, но нужна и лирика.

И так уж получилось, что в один присест я написал песню. Написал, спел сам для себя своим хриплым композиторским голосом. Вроде получилось, но сомнения не покидали меня. И тут Фатьянов изрек: «Давай проверим на публике». Я не сразу понял, о какой публике идет речь, но затем, после короткой и, как говорится, плодотворной дискуссии, мы решили организовать небольшой концерт для обслуживающего персонала гостиницы.

В холле двенадцатого этажа мы начали концерт. Где-то в глубине импровизированного зала, полны о слушащих, сидели несколько военных, проживающих в гостинице. Фатьянов читал стихи, я пел свои песни. Дошел черед и до «Соловьев». Я начал так, как это и было написано у Фатьянова:

Соловьи, соловьи,
не тревожьте ребят
Пусть ребята
немного поспят...
Пришла к к нам
на фронт весна,
Ребятам стало не до сна...

Концерт прошел хорошо. Исполнители любят аплодисменты, но, признаюсь, слезы на глазах многих слушателей мне были милее всяких аплодисментов.

Когда кончился концерт и все поднялись со своих мест, но мне подошел высокий, статный военный в генеральской форме и представился:

— Генерал Соколов.

— Очень приятно, — промычал я, все еще находясь под впечатлением эмоционального настроя слушателей.

— Вот что, Василий Павлович, — сказал генерал, — мой вам совет: замените вы в первой строке слово «ребята» словом «солдаты». Так будет лучше.

Я возразил, что, мол, солдат — это слово какое-то старое. За годы войны мы привыкли к слову «боец», а слово «ребята» — нормальное слово. Теплое, сердечное, душевное.

Генерал не сдавался. Он разъяснил, что теперь понятия немного сместились и слово «солдат» обрело свой истинный, достойный, почетный смысл, что все мы, независимо от воинских званий, занимаемых должностей и знаков различия, — все мы солдаты героической Советской Армии.

— А песня-то у вас получилась замечательная, — сказал он в заключение.

Так «Соловьи» получили генеральское «добро». Послушались мы генерала не потому, конечно, что Фатьянов был, кажется, в сержантском звании, а стало быть, по военным законам должен был стоять перед генералом по стойке «смирно». (А я вообще звания не имел. Был, правда, случай, когда какой-то писарь, оформляя мне проездные документы, на соответствующих строках казенного бланка написал мою фамилию и инициалы, а против графы «звание», подумав и почесав затылок, добавил: «начальник песенного довольствия».)

Поспорив с Фатьяновым часа два, мы нашли наконец компромиссное решение. Через несколько дней Всесоюзное радио уже передавало эту песню, и начиналась она, вопреки традиции, с припева:

Соловьи, соловьи,
не тревожьте солдат,
Пусть солдаты
немного поспят...

А дальше шел куплет:

Пришла и к нам
на фронт весна,
Ребятам стало не до сна —
Не потому,
что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Во втором куплете вновь по совету генерала Соколова мы слегка отредактировали текст:

Ну что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат,
припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Но мне, да и Фатьянову уж очень нравилось слово «ребята». Не могли мы от него начисто отказаться. И вот после третьего заключительного куплета мы вернулись к первоначальному варианту.

Соловьи, соловьи,
не тревожьте солдат.
Пусть солдаты
немного поспят...

Это была дань генералу. Но затем следовали строки.

Соловьи, соловьи,
не тревожьте ребят,
Пусть ребята
немного поспят...

Когда через несколько дней я приехал в одну из воинских частей и начался концерт, из зала дружно крикнули: «Соловьи»! Песня быстро докатилась до передовой. Поют ее и поныне. Однако мало кто знает, что в этой песне у нас с Фатьяновым был первый редактор — генерал Соколов и первая публика — обслуживающий персонал гостиницы «Москва».

Марина ЛАДЫНИНА:

«СПАСИБО, АМИР...»

«...Было это в Венгрии, под Балатоном. Шли тяжелые, кровопролитные бои. Но в этот день на нашем участке было затишье. Под вечер нас, пехотинцев, артиллеристов разведчиков, сняли с передовой и повели в тыл. Среди солдат прошел слух, что в дивизию привезли новый фильм и всех по очереди ведут посмотреть его. Мы уже забыли, когда последний раз нам показывали кинокартины: полгода, а возможно, и больше прошло.

Пришли нас в темный сарай, и начался очередной сеанс. Прочли интригующее название: «В шесть часов вечера после войны». Знакомые артисты — Марина Ладынина, Евгений Самойлов, Иван Любезнов, за душу берущая музыка, близкие сердцу пейзажи...

Фильм был захватывающим, он убедительно рассказывал о войне (конечно, допускались в нем кое-какие погрешности в отдельных боевых эпизодах, но мы это прощали), любви, разлуке и радостной встрече после войны. Никак не верилось: конец войне, конец провопролитиям... Но мы, увидев своими глазами невероятное — окончание войны, как бы заразив познали сладость победы.

Шли солдаты вновь на передовую. Вдруг я запел (природа не обарила меня музыкальным слухом, но запамятую, а тут сразу запомнил и слова, и мелодию) песню из этого кинофильма «Казак уходил на войну»:

Над степью зажегся
печальный рассвет,
Донская волна расверзала.
— Дарю я тебе
на прощанье кисет,
Саша я его вышивала.

...И не понимает меня эта песня более тридцати лет, словно зовет в далекую трудную-трудную юность...

Шли мы, молодые, безусые солдаты, на передовую, чтобы с победой закончить войну.

Но не всем довелось дожить до Победы. Не увидел ее наш молодой механик-водитель «Т-34», который по окончании того сеанса грустно пошутил: «Сейчас, ребята, и помереть можно — все-таки увидел конец войны». Он погиб в тяжелом бою. Обгоревшее тело танкиста мы зарыли возле шоссе, рядом с его подбитым танком.

Мне часто вспоминается фильм, увиденный под Балатоном, радостно возбужденные солдаты и слова танкиста: «Увидел конец войны».

Еще шли бои, но наши кинематографисты создали очень хороший фильм, который вселял в сердца советских солдат веру в скорую победу. Мы были благодарны за этот фильм его авторам и актерам.

Амир МУРАТОВ,
старшина запаса,
заслуженный учитель школы БАССР
Башкирская АССР
деревня КАШКАРОВО

Письмо солдата Великой Отечественной войны, по просьбе «ЛГ», комментирует Марина Ладынина, народная артистка СССР, сыгравшая главную роль в фильме.

— Это письмо пришло сейчас, а я читаю его так, словно оно тогда, в войну, пришло. Так мы, актеры, читали вестники с фронта...

«В шесть часов вечера после войны» — первая картина о Победе. Мы закончили ее в Алма-Ате за полгода до мая 1945 года. Сценарий и слова полюбившейся солдату песни написал поэт Виктор Гусев, музыку — Тихон Хренников. Поставил фильм Иван Александрович Пырьев.

Обычно принято вспоминать в подобных случаях какие-то интересующие зрителей, поучительные или забавные эпизоды, случившиеся на съемках... Сегодня мне этого делать не хочется. Такое письмо выше бытовых подробностей. Да, было трудно, работали в нетопленой студии, под дождем — но ведь работали для фронта! Создавали фильм о Победе, которую ждали так страстно.

Я не могу эту картину отделить от другой — «Свинарки и пастуха». Она снималась в месяцы фашистских налетов на Москву, и когда мы подходили к кинокамере с красными от слез глазами, И. А. Пырьев говорил: «Не плакать, черт вас побери! Вы солдаты, это ваш фронт, и вы должны играть так, чтобы не было заметно ни ваших слез, ни вашего настроения!» Это ему, его темпераменту, его творческой силе мы больше всего обязаны тем, что сейчас получаем такие письма.

Картина наша, конечно, не была безупречной, и товарищ Муратов, пожалуй, оценивает ее слишком высоко. Но есть в его словах признание огромной жизнеутверждающей силы искусства, признание, более всего вознаграждающее наш труд.

Спасибо Вам, Амир. Письмо это я сохраню навсегда.

«ПРОПУСК» В МАЛЫЙ ТЕАТР

Уважаемая редакция!

Нам, артиллеристам 173-го гаубичного полка, день Победы довелось встретить у самой Эльбы, где мы и закончили свой боевой путь.

Кому не хотелось побыть в поверженном фашистском логове — Берлине, когда уже нет свиста пули, грохота разрывов бомб и снарядов.

На фотокарточке, которая хранится у меня 30 лет, запечатлена встреча солдат и офицеров нашего полка с артистами московского Малого театра. К сожалению, не помню фамилии артистов. Они тогда нам говорили: «Это фото — пропуск для почетного гостя на любой спектакль театра».

В. МАКАРОВ,
гвардии подполковник в отставке

В первые же дни войны Малый театр создал бригады для выездов на фронт с концертами. А в 1943 году появился фронтовой филиал Малого театра, состоявший из двух групп. До конца войны они дали около двух тысяч концертов на четырнадцати фронтах. Количество зрителей-фронтовиков превышало миллион.

Наши группы зачастую входили в города, отбитые у немцев, вместе с передовыми частями. Так было в Новороссийске, Керчи, Львове, Риге. Так было в Варшаве, Будапеште, Вене. Так было и в Берлине. Концерты начинались сразу же после боев. В Севастополе, к примеру, для первого концерта было облюбовано здание нынешнего Дома офицеров. Выглядело оно, конечно, несколько иначе, чем сейчас: стены целы, а внутри пустота. Однако зрителей набралось изрядное количество, и концерт был в разгаре, когда вдруг был отдан приказ немедленно всем покинуть помещение. Выяснилось, что здание заминировано. Потом мы узнали, что из него было извлечено более двухсот мин.

...К апрелю 1945 года наши войска двигались в таком темпе, что нам случалось по пять-шесть дней не выступать — некогда было выйти из автобусов! Армия, в которую мы тогда входили, получила приказ форсированно двигаться к Одеру.

И вот наконец Берлин. Весна, радость Победы... Нас ждут во всех концах города сразу, и мы стараемся поспеть всюду. После выступлений фотографируемся вместе с бойцами, с офицерами.

Присланная в редакцию товарищем Макаровым фотография вновь всколыхнула в памяти события тех последних дней в Берлине. Здесь, вместе с бойцами и офицерами, артисты В. Закс-Алексеева, В. Кабатчейко, П. Стрелин, М. Смирнов и другие наши товарищи. Расставаясь с бойцами, мы звали их к себе в гости — в Москву, в Малый театр.

И. ХАРИТОНОВ,
Бывший руководитель первой группы фронтового филиала Малого театра

***

Корреспондент «ЛГ» показал этот снимок народному артисту СССР, директору Государственного ордена Ленина академического Малого театра Михаилу Ивановичу Цареву. Вот что он просил передать ветеранам «Пропуска» действителен, дорогие товарищи, дорогие друзья! Всегда рады вас видеть в Малом театре на наших спектаклях.

17.IV-75

М. ЦАРЕВ

«Батя»
Рисунок **Б. НЕМЕНСКОГО.**

Борис НЕМЕНСКИЙ,

заслуженный художник РСФСР

ДАЛЕКИЕ — БЛИЗКИЕ ГОДЫ

...В ОГРОМНЫХ валенках, ватных штанах и телогрейке, в ненущейся толстой шинели, с выкладкой — бреду, потеряв всякую ориентировку, от штаба полка в роту, на передовую...

Я — девятнадцатилетний художник-солдат, посланный Студией имени Грекова во фронтовую командировку. Делаю первый, серьезный самостоятельный шаг в жизни, возможно, и в искусстве.

Это было трудное хождение по фронтовым дорогам, по опустошенным врагом городам и селам, только что остывшим от боя, жизнь в землянках, работа под обстрелом, фронтовые встречи с замечательными людьми...

Добираюсь до знаменитой Панфиловской дивизии в надежде увидеть оставшихся в живых героев, но они уехали в отпуск... Продолжаю свой фронтовой путь. Самый конец декабря 1942 года. ...Так начались фронтовые будни.

...Великие Луки. Город после освобождения казался мертвым. Ни одного человека. Ушли или убиты. В городе наши бойцы нашли маленькую, ползающую и голодную девочку. Ее отыскали в пустом вымершем доме, на вымершей улице. Что произошло на ее глазах? Какие ужасы она перенесла? Войны отвезли Аню, как она себя назвала, в ближайшую деревню, где остались мирные жители. Девочка разучилась улыбаться, морщинки изрезали ее любит и щечки...

Впоследствии, через много лет, я написал на эту волнующую тему картину «Солдаты».

Великие Луки стали для меня первым курсом военного «университета». В каждой фронтовой поездкой я начинал все больше, глубже понимать и жизнь, и людей, и себя самого.

Солдаты на фронте интересовались моими рисунками, требовали от меня правды и убедительности.

— Эк, как ты его изобразил, прямо как героя, — говорили бойцы об одном из моих портретов углем. — А он же, братец, трусоват и лодырь. Ты в корень смотри. Вот ты Батю нашего срисуй. Свой человек. Путиловец! На заводе состаивали, сам ушел на фронт. Уважает Батя людей. И его уважают, любят. Вот кабы все у нас такие были! Обязательно срисуй!

Весной 1943 года на Ленинградском фронте в землянку, где я делал зарисовки, пришел политработник. Это был веселый человек лет тридцати пяти, с густой шапкой волос. Простое русское лицо, добрая, приветливая улыбка. Он оказался ленинградцем Александром Антоновичем Шипулиным с бывшего Путиловского завода. Батя, о котором мне так тепло рассказывали бойцы, был боевой, мужественный командир. Мы познакомились. Узнав, что я военный художник, он согласился позировать. Мне очень нравилось его доброе и сильное лицо. Я сделал несколько зарисовок, на одной из них изобразил Батю с трубкой в руке. Таким он и остался в моей памяти. Но вот недавно Александр Антонович Шипулин, а он живет по-прежнему в Ленинграде, прислал письмо в Издательство политической литературы в Москве. Издательство переслало его мне. Вот что пишет ветеран войны:

«Прошло 32 года от великих событий в период прорыва блокады Ленинграда. И к моему удивлению, я узнал, что мой портрет под названием «Батя», исполненный художником Борисом Неменским на фронте, помещен под очерком Ю. Нехорошева «Одна, но пламенная страсть» в календаре «В мире прекрасного» на 1975 год, изданном Политиздатом. Тов. Неменский рисовал мой портрет в землянке в период после освобождения Шлиссельбурга. Пусть несколько месяцев художник прислал мне на передовую позицию фоторепродукцию нарисованного им портрета. В то время я служил заместителем командира стрелкового батальона по политчасти в 330-м стрелковом полку 86-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта...»

Конечно, я тут же написал письмо Бате — Александру Антоновичу Шипулину, с которым меня в годы войны свела судьба и с которым хотелось бы встретиться и сегодня...

...Довелось мне вместе с солдатами пройти и по дорогам, ведущим к Берлину. Дороги эти вливались в поверженную фашистскую столицу, превращались в улицы, наполненные гарью и пеплом.

26 апреля 1945 года. Горящих взад и вперед машин и танков. Сел я в прекрасное кожаное кресло, неизвестно почему очутившееся посреди улицы, и открыл этюдник. Работать было трудно: пепел покрывал палитру, попадал в глаза, в рот, в нос. От соседнего дома несло жаром. По мере того как мы двигались вперед и дома, догорая, обрушивались, солдаты подтаскивали мое кресло все дальше вперед, мельком заглядывали в этюдник и говорили:

— Вот, вот, давай, зарисовывай, как горит гитлеровское логово...

***

Военная тема стала главной в моем творчестве. Все мои картины — о людях, которых я полюбил в годы войны. Я, признаюсь, никогда раньше не чувствовал так открыто красоту человеческих сердец, не подозревал, что так много доброты и мудрой человечности в самых, казалось бы, суровых натурах.

...Накануне 30-летия Победы я закончил новую картину «Последнее письмо», повествующую о горе и мужестве юной женщины-матери, получившей письмо с фронта о гибели мужа-воина, отдавшего свою жизнь для счастья Родины.

И сейчас, в преддверии великого праздника, невольно мысью переносишься в те суровые фронтовые дни, которые никогда не изгладятся из памяти. В каждую работу мою — даже и на самую «мирную» тему — будут входить неизбежно эти далекие, нет, близкие для всех нас годы.

«Берлин, 1945».
Рисунок **Б. НЕМЕНСКОГО.** Публикуется впервые.

Андрей ГОНЧАРОВ,

главный режиссер Театра имени Вл. Маяковского, народный артист РСФСР

НА ФОРТАХ БАЛТИКИ

...В АПРЕЛЕ 1942 года я, дипломант ГИТИСа, после двух ранений списанный из армии «по чистой», был назначен директором и главным режиссером Первого фронтового театра ВТО. Это была серьезная драматическая труппа — народный артист республики Н. Рыбников, заслуженные артисты П. Белевцева, А. Карцев и другие. Позднее к нам пришли А. Шишков, Б. Горбатов и еще многие иные известные артисты. Наш театр был определен обслуживать флоты. Летом 1942 года мы выехали на фронт — к легендарным североморцам — морякам, подводникам, летчикам, морской пехоте. За сто дней показали 250 спектаклей и концертов. Выступали в морских кубриках, кают-компаниях, прямо на пирсах, на палубах...

Нашим штабом на Севере стал Полярный. Особенно торжественно проходили спектакли в дни возвращения подводных лодок. Какое это было счастье, когда на горизонте, у входа в бухту, появлялась подлодка! На пирс встречать героев сбегался весь городок. Оркестр играл «Прощайте, скалистые горы». С лодки салютовали, и сколько было потоплено вражеских судов, столько раздавалось залпов. Кстати, столько же дней подводников жарили порсят... А сами герои были удивительно просты, каждый был уверен, что не сделал ничего особенного, только то, что нужно...

Я много думал о природе романтического в театре, о том, как часто мы ставим героев на котурны, заботимся, чтобы во всем, что они говорят и делают, были пафос, значительность. А подлинный героизм — мужествен и прост, он — в обычных людях, в обычной жизни.

...29 марта 1943 года мы получили приказ выехать в Ленинград. Но на станции Волхов поезд остановился — впереди громыхала канонада. Проехать по «дороге жизни», что шла по льду Ладожского озера, мы тоже не могли — уже тронулся лед. Так неприлюдненно наши гастроли начались с выступлений перед бойцами Ладожской флотилии. Особенным успехом здесь пользовался наш новый спектакль «Жди меня» К. Симонова. Люди, отторванные от семей, с жадным волнением смотрели историю о том, как простой человек на фронте, а потом вернулся к той, которая не верила в его смерть и ждала. В подвигах любви и преданности, показанном со сцены, люди находили нравственную опору, черпали веру в победу, в жизнь.

Настал день, когда можно было уехать из Ладоги, но нам вдруг объявили: подступы к Ладоге минированы, ехать нельзя. А потом оказалось: слух пустили для того, чтобы задержать артистов еще на три дня...

Ленинград потряс нас — у редких прохожих изможденные лица, словно обтянутые пергаментом: коробки разбитых зданий с провалами окон, огромный город казался полупустым... Уходя утром из дома, ленинградцы прощались со своими близкими — никто не знал, как кончится день. Но делалось это просто, без позы, без надрыва.

...Необычайно тепло принимали нас в Кронштадте. Кроме «Жди меня», большим успехом пользовалась комедии. На фронте мне не раз приходилось наблюдать: чем тяжелее условия, тем явственнее у людей тяга к всеобщему, жизнерадостному в искусстве.

...Мы ездили по всем фортам Балтики, играя «Жди меня». Нередко случалось так, что часть воинского подразделения смотрит спектакль, а другая — в боевом охранении. Потом они менялись местами, и мы тут же повторяли спектакль. За все три месяца поездки мы выступали по два-три раза в день.

...Когда в последний раз я выезжал на фронт, победа была уже не за горами, перед нами были зрители — солдаты великой, сокрушающей фашизм Советской Армии.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ДАТЫ

БЕЛЬГИЯ: ВСТРЕЧА ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Этот разговор начался в Цитадели, в казематах льежского концлагеря. Мы стояли перед памятником борцам Сопротивления. Между нами и городом, лежавшим внизу, в долине Мааса, белела тройная изгородь могильных крестов.

Мы пришли на свидание с тридцатилетним прошлым вместе с бельгийскими коммунистами, узниками Цитадели и участниками Сопротивления в годы второй мировой войны.

Тео Дежас, председатель льежского комитета Фронта независимости, говорил, обращаясь к делегатам второй Ассамблеи общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе:

— Подъем движения Сопротивления в Бельгии связан с подвигом Сталинграда. В дни празднования 30-летия Победы над фашизмом в Льеже, городе-побратиме Волгограда, состоится манифестация. Мы пошлем землю с могил расстрелянных борцов Сопротивления на Мамаев курган. Мы никогда не забываем о великих жертвах советского народа, который внес решающий вклад в разгром фашизма. Во имя памяти о погибших, во имя будущего мы должны и сегодня бороться за мир и безопасность, чтобы никогда больше война не обезобразила лицо Европы.

Я думаю, что Цитадель стояла перед глазами многих участников встречи литераторов и деятелей культуры, которая проходила в рамках ассамблеи. Цитадель — как память о прошлом и как призыв к действию.

— Что можем мы сделать для обеспечения мира? — обратился с этим вопросом ко всем деятелям культуры французский писатель Роже Шатоне. — В годы войны я был узником нацизма. Но и теперь наша земля — это поле боя между силами мира и войны. И если кто-то из нас уклоняется от выбора, то он дезертирует с поля боя. Мы, представители литературы и искусства, должны своими действиями, своим умением и мастерством безжалостно бороться против тех, кто стремится вновь навязать людям царство жестокости и тупости. Художники и писатели могут и должны помочь общению народов друг с другом, помочь обмену духовными ценностями.

О месте художника в современном мире, о важности его активной позиции в борьбе против сил фашизма и войны, в поддержку взаимопонимания и солидарности говорили многие делегаты ассамблеи: профессор Вальтер Фабман из ФРГ, румынский писатель Иоан Григореску, бельгийский художник Роже Сомвиль, болгарская писательница Лиляна Стефанова и советский писатель Александр Чаковский. Советские предложения о необходимости распространения духа разрядки на все стороны жизни общества получили широкое одобрение участников встречи. Представитель ЮНЕСКО П. Лебар сказал:

— Деятели культуры должны своим творчеством способствовать распространению идей мира и сотрудничества. Необходимо создать такой климат в Европе, который сблизает, а не разъединяет народы.

Необходимость активных действий в защиту мира и безопасности народов тем более настоятельна, что враги разрядки не сложили оружия. Попежнему их главной ставкой является антикоммунизм.

Вновь и вновь делегаты ассамблеи возвращались к теме борьбы против фашизма.

— Мы по себе хорошо знаем, что такое фашизм, — заявила португальская писательница Изабель де Нобрега. — Это репрессии в области культуры. Это замкнутый круг, в котором нет обмена подлинными духовными ценностями. Свобода для нас — как глоток свежего воздуха. Мы хотим говорить со всем миром. Но мы знаем, что не все на нашей стороне. И пока не нравится то, что происходит сегодня в Португалии.

В авангарде борцов за мир идут люди, испытавшие на себе, что такое фашизм и война, люди, не допускающие повторения трагедии. Всемирным признанием и благодарностью венчают народы деятельность этих людей. Недавно международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» были удостоены Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан, общественная и политическая деятельница Гвинейской Республики Жанна Мартен Сисе, один из активных организаторов и первой и второй Ассамблей европейской общественности, участник бельгийского движения Сопротивления каноник Раймон Гоор.

Есть большой смысл в том, что движение за безопасность и сотрудничество в Европе возглавляют люди, которые знают, чем была война для народов нашего континента. Что война — это не только загубленные и искалеченные человеческие жизни, разрушенные города. Не только погибший цвет многих народов, но и ушедший вместе с ними опыт поколений, не переданный сыновьям и внукам. Не только разрушенная часть нашего искусства и культуры, погибшие писатели, художники и композиторы. То и не написанные ими книги, картины, музыка.

Люди, прошедшие через войну, выстрадали свою любовь к миру. Их помыслами и действиями движет память сердца. Для них борьба за безопасность и сотрудничество в Европе — это и борьба за преемственность поколений и за преемственность человеческой культуры и цивилизации.

Владимир ЛОМЕЙКО,
специальный корреспондент АПН и «Литературной газеты»
БРЮССЕЛЬ—МОСКВА

КОВЕНТРИЙСКИЙ АКЦЕНТ

Английский парламент. Желтый, воздревший камень облицовки, сводчатые потолки. Навыпуск застыли, оперившись на мечи, рыцари прошлых времен. Я сказал: «Древние стены» — и услышал в ответ: «Нет, не столь уж древние. Это часть здания была разбита немецкими бомбами...».

Вот так началось интервью с Вильямом Уилсоном, лейбористским парламентарием от Ковентри, города, порожденного с Волгоградом. Речь шла о войне, о ее уроках, о 30-летнем юбилее Дня Победы. Надо ли еще раз представлять Ковентри? Это имя стоит рядом с Герникой, Лидице, Хатынью. Был у фашистов военный термин «ковентризация». Он означал стирание с лица земли, бомбежку «до уничтожения последнего дома». В ту трагическую ноябрьскую ночь 1940 года, когда эскадры «Люфтваффе» волнами заходили на Ковентри, обрушивая на него сотни бомб, Вильям Уилсон был первым жителем города, раненным во время налета.

— Для меня эта ночь в Ковентри и день, когда немцы подписали капитуляцию в Сталинграде, — самые важные вехи войны, — говорит он. — Сейчас, долгие годы спустя, я могу сказать: не будь русской победы на Волге, не стало бы и Ковентри. Я отчетливо помню и тот воскресный день в конце июня, когда Гитлер напал на СССР. Первое ощущение: вероломство и величайший просчет нацистов. Нетрудно быть пророком задним числом. Но поверьте, уже тогда многим стала ясна обреченность и «блицкрига», и всего восточного похода. Началась война, ваша война. И очень скоро мы ощутили ее здесь, в Британии, — нас реже стали бомбить: Восточный фронт пожирал немецкую авиацию. Уже тогда, в самые трудные для нее времена, Россия защищала нас.

Вильям Уилсон ушел на фронт рядовым солдатом. Сражался в Северной Африке, Италии, Франции. Через шесть лет он вернулся в Ковентри сержантом.

— На фронте мы с жадностью ловили сводки с советско-германского фронта, — продолжает он, — каждые сутки отмечали по солдатским картам зигзаги великой битвы. Наши войска били немецкие и итальянские дивизии в Африке. Мы одержали победу в Эль-Аламейне, но мне было ясно — судьба войны решается в Европе, и решают ее в конечном счете русские. Ваша победа в Сталинграде стала для немцев началом конца, поворотным пунктом войны. Не надо забывать, что в 1940 году Англия была одинока перед лицом вполне реального вторжения нацистов, да и не была она подготовлена к схватке с их мощной военной машиной. Кто знает, как бы повернулись вскоре события, не будь у нас такого союзника, как Россия. Совершенно очевидно, что советский народ вынес на себе главную тяжесть войны, спас мир от фашизма. Советскому Союзу по праву принадлежит пальма первенства и ведущая роль в победе, одержанной три десятилетия назад.

В послевоенные годы Вильям Уилсон — делегат Ковентри — не раз бывал в Волгограде. Видел, как поднимался этот город из руин. Видел руины, которые не вечную память потомкам, чтоб знали, какой была война, чего она стоила людям. И такие же руины сохранил Ковентри.

— В Музее обороны Волгограда, — говорит Уилсон, — есть скатерть, подаренная женщинами Ковентри. Я знаю, как они, их дети, их близкие гордятся дружбой Ковентри с городом-героем на Волге. Для многих англичан русская победа стала той отметиной в памяти, которая не зарастет никогда, против которой были бессильны ветры «холодной войны». Боевое товарищество тех лет не зачеркнуть ничем. И когда сегодня Советский Союз планомерно проводит мирную политику, в этом видится логика истории — народ, победивший в кровавой войне, ныне отстаивает мир на земле. Ведь именно Советский Союз выдвинул идею созыва Совещания по европейской безопасности, идею верную, своевременную.

Когда мы уже прощались с Уилсоном, мой собеседник сказал:

— Я родился в Ковентри. В этом городе родились мои отец и дед, четыреста лет назад один из предков нашей семьи был мэром этого замечательного города. Я говорю с ковентрийским акцентом...

Ковентрийский акцент... В эти дни перед юбилеем Победы он слышался мне в беседах со многими людьми из самых различных мест Англии. Гектор Смит, генеральный секретарь одного из крупных английских профсоюзов, рассказывал, как воевал с немцами в партизанском отряде на... Смоленщине. Да, англичанин в Смоленских лесах. Здесь, в центре Лондона, звучали слова о сожженных деревнях, о перестрелках, о прекрасном, храбрейшем человеке лейтенанте Дмитриеве, с которым Смит бежал из концлагеря. Мой собеседник курил сигару, но держал ее так, как держали в войну самокрутки, докуриваемые до ногтей. Бывший военный летчик, награжденный в 1941 году орденом Ленина, говорил, как вместе с советскими пилотами защищал Мурманск от немецких самолетов: «Русские воевали блестяще».

С разными акцентами говорят в эти майские дни в Англии. Бывший наговский генерал Уокер стращает англичан Россией, уверяет, что русские их «проглотят». Иные политики все из тех же «соображений» требуют не уменьшать, а еще более увеличивать военные расходы, и выразительно молчит о войне буржуазная пресса, в если не молчит, то печатает мемуары адмирала Дениця или вдовы Шпеера, военных преступников. По-разному говорят сегодня в Англии о войне. По-разному расставляют исторические акценты, но, как всегда это бывало, сама история выносит свои окончательный приговор. Побеждает в конечном счете голос правды.

Эдгар ЧЕПОРОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»
ЛОНДОН. (По телефону)

Плакат в 30-летию Победы, выпущенный в ГДР

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Ганс-Иоахим ГОФМАН:

НАШ ПУТЬ ДЛИНОЮ В ТРИДЦАТЬ ЛЕТ...

Специальные корреспонденты «Литературной газеты Олег **ПРУДНОВ** и **Павел ТОПЕР** в канун праздника Победы провели в Берлине серию интервью с руководящими деятелями культуры, писателями, учеными, интересами ГДР, которым были заданы вопросы о развитии новой, социалистической культуры, о становлении новой, социалистической интеллигенции, тесно связанной с рабочим классом, с народом страны.

Сегодня мы публикуем интервью с министром культуры ГДР Гансом-Иоахимом Гофманом.

ВОПРОС. Сначала немного истории. Известна фраза, произнесенная еще в 1874 году «Битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель». Эта была своеобразная оценка той роли, которую старая школа играла в воспитании молодежи в духе милитаризма и милитаристского духа. Немецкая гуманистическая литература не однократно показывала отраженный от реальной жизни реакционный характер школьного и университетского преподавания — таким оно было и во времена Вильгельмовской империи, и в годы после окончания первой мировой войны, и тем более во времена фашизма. Вспоминаются слова Анны Зегерс, которая сказала однажды, что в ГДР надо преодолеть не одно, а целых три реакционных пришлых — прусскачество, период Веймарской республики, гитлеризм. Как, по вашему мнению, можно прокомментировать эти слова сегодня, в дни государственного праздника ГДР, когда отмечается тридцатилетие освобождения народов от ига фашизма?

ОТВЕТ. Сейчас, когда празднуется тридцатая годовщина освобождения, мы с особой сердечностью вспоминаем о наших советских друзьях. В первые же дни после краха фашизма они дали нам и хлеб и молоко, и культуру. Нам вернулся наследие классиков, нас познакомили с великой русской и советской литературой. Мы учились на огромном общественном опыте советского народа.

Приведенная вами фраза очень характерна. Именно в старой Германии больше, чем где бы то ни было, школа служила оплотом реакционных режимов. И не случайно с начала нынешнего столетия критика школы играет в немецкой гуманистической литературе все возрастающую роль. Герман Гессе, Франк Ведекинд, Томас и Генрих Манны, Леонгард Франк, Роберт Музиль и другие писатели в своих произведениях разоблачали ее прусско-милитаристский дух, оторванность от жизни, замшелый консерватизм. Критика школы была в то же время и краткой беспощадности империализма, подавления им творческого начала, разрушения созидательных возможностей личности.

В словах Анны Зегерс подчеркнута преемственность той реакционной губительной идеологии господствующих классов, которая царила в воспитании немецкой молодежи. Решительно покончить с этой «традицией» — такова была важнейшая задача обновления нашей культуры. Ее удалось успешно решить в результате ликвидации экономической и политической власти монополий и юнкерства и ее замены властью рабочих и крестьян, действующей в союзе со всеми демократическими силами. С неоценимой помощью и поддержкой офицеров СВАГа — советской военной администрации в Германии, ведавших культурными вопросами. Коммунистическая партия Германии вызволила немецких деятелей культуры из национальной катастрофы и вывела их на путь создания новой, демократической культуры.

ВОПРОС. В Западной Германии принято говорить «Культ» развитие современной культуры после разгрома фашизма начинаялось «на пустом месте». Поэтому 1945 год там часто называют «нулевым часом». Но совершенно очевидно, что культура ГДР развивается на основе гуманистических и демократических традиций прошлого, на основе революционных традиций рабочего класса. Хотелось бы, чтобы вы рассказали, как начинялось «восстановление культуры», как было собрание сил демократической интеллигенции, как формировалась новая интеллигенция. Искати говоря, во многих книгах, вышедших за последние годы в ГДР, писатели приводят своих героев в первые послевоенные годы и решению стать школьным учителем, наставником молодежи. Такое решение приходит к ним одновременно с обретением «твердой опоры» в жизни, веры в будущее. И в этом, как видно, есть своя закономерность?

ОТВЕТ. Западногерманские писатели, защищавшие тезис «нулевого часа», подобно, например, тем, что тяготели к так называемой «Группе 47», связывали с ним свое честное и твердое намерение покончить с любыми проявлениями милитаристской, шовинистической и расистской идеологии. Они говорили о необходимости «начать все сначала», но тем самым сбрасывали со счетов и произведения, порожденные духом боевого гуманизма. Их протест против любой идеологической системы, их программа «социально демократической элиты», согласно которой фундамент обновления культуры немецкого народа должен быть заложен духом жуланой интеллигенции, уставшей во главе общества, могли привести не к сплочению, а к изоляции демократической интеллигенции.

Наш путь был совершенно иным. В феврале 1946 года на первой конференции КПГ, посвященной проблемам культуры, Вильгельм Пик говорил о необходимости объединения все созидательные, антифашистские и демократические силы, независимо от их партийной или религиозной принадлежности, рабочих и интеллигенцию, крестьян и ремесленников и основать широкое, всеобщее единство всех деятелей культуры.

С этой целью еще раньше, 3 июля 1945 года, был основан Культурбунд — Союз деятелей культуры, борющихся за демократическое обновление Германии. Президентом союза был избран Иоганнес Бехер и его заместителем — Бернгард Келлерман. Этот факт — один из многих — наглядно показывает, что в 1945 году мы начинали не с нуля.

Иоганнес Бехер, открывая в 1956 году IV съезд писателей, подчеркнул, что литература рабочего класса издавна играла ведущую роль в защите гуманистических традиций всего немецкого искусства. На такой основе мы могли сплотить великих представителей критического реализма. Мы следуем этой традиции.

Перехожу ко второй части вашего вопроса — о новом учителе. Из школ и высших учебных заведений после 1945 года были награждены педагоги, воспитывавшие учащихся в духе вредоносной фашистской идеологии. Вместо них пришли десятки тысяч новых учителей, которым пришлось овладеть необходимыми знаниями

● ОКОНЧАНИЕ НА 13-Й СТР.

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

ЗНАМЯ СВОБОДЫ НАД САЙГОНОМ

Это операция навсегда войдет в историю национально-освободительного движения как образец высокого революционного военного искусства, как сконцентрированное выражение непоколебимой воли народа завершить свое освобождение. Ее кодовое название — «Операция Хо Ши Мина». Вполне закономерно, что командование Народными вооруженными силами Южного Вьетнама пожелало, чтобы завершающий этап борьбы вьетнамских патриотов был связан с именем человека, который всю свою жизнь посвятил делу освобождения вьетнамского народа.

Итак, «Операция Хо Ши Мина». Она началась 26 апреля 1975 года. Ее главная цель — освобождение Сайгона и провинции Сайгон. Действия военных частей должны сочетаться с массовыми выступлениями населения против режима марионеточного сайгонского режима. Боевые соединения патриотов начали действовать с разных направлений — с востока, юга, севера и северо-востока от Сайгона. Стремительно было завершено окружение города. 29 апреля комитет Национального фронта освобождения и Народно-революционный комитет района Сайгона опубликовали призыв к населению. «Сегодня пробил час восстания и генерального наступления, — говорилось в нем. — Час полного освобождения Юга... Второго всех вьетнамцев обращены на нас! Соотечественники ждут нашей победы!» Патриоты с оружием в руках вышли на улицы Сайгона.

30 АПРЕЛЯ 01 ЧАС. 00 МИНУТ. Завершается вывоз американцев из Сайгона. В ночь с 29 на 30 апреля подразделения Народных вооруженных сил со всех направлений подошли к окраинам города. Передовые части атакуют военно-воздушную базу Тانشون-нят, обстреливают генеральный штаб и главный центр связи. Сайгонская армия фактически парализована.

9 ЧАСОВ 25 МИНУТ. Последними глава сайгонского режима Зыонг Ван Минь выступает по радио и приказывает сайгонским частям прекратить огонь и любое сопротивление входящим в город Народным вооруженным силам.

11 ЧАСОВ 15 МИНУТ. Передовые подразделения патриотов медленно приближаются к воротам и к главной улице и проспекту Ту До.

11 ЧАСОВ 30 МИНУТ. Головная колонна окружает и берет под контроль президентский дворец. Через несколько минут над ним уже взвивается красно-голубое знамя с золотой звездой — знамя Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам.

12 ЧАСОВ 07 МИНУТ. В эфире впервые прозвучали слова «Говорит радио свободный Сайгон!». Начала свою работу радиостанция, взятая под контроль патриотами и их силами. В городе быстро устанавливается нормальное движение транспорта. Население повсюду горячо приветствует освободителей.

13 ЧАСОВ 00 МИНУТ. Части освобождения входят в крупнейший пригород Сайгона — Шолон.

Зыонг Ван Минь заявляет представителям Народных вооруженных сил, что он-де готов встретиться с представителями ВРП РЮВ, чтобы обсудить вопрос о передаче власти. На что получает справедливый ответ: «Вся власть Сайгона уничтожена. Нельзя передать то, чего у вас нет. Речь идет о полной и безоговорочной капитуляции».

В эти часы Ханой готовился к первомайскому празднику. В городе вывешивали флаги и транспаранты.

С пяти часов вечера ханоцы стекаются в центр города. Радио «Голос Вьетнама» передает официальное коммюнике командования Народных вооруженных сил Южного Вьетнама об успешном завершении «Операции Хо Ши Мина». Через несколько минут по городу уже нельзя было проехать, в ворота метро не пройти. Весь Ханой от мала до велика вышел на улицы. Люди поздравляли друг друга, обнимались, что-то кричали, танцевали. Это было бурное, неистовое ликование людей, которые всегда, даже в самые трудные дни, глубоко верили в то, что эта минута настанет.

Позади долгие годы тяжелых лишений и жертв. 30 лет велась эта самоотверженная борьба, начавшаяся фактически сразу же после образования в 1945 году Демократической Республики Вьетнам. Империалисты не хотели смириться с тем, что Вьетнам вышел из-под их контроля, что он решительно и навсегда стал на путь независимости и свободы. Разные были у империалистов формы вмешательства и борьбы против национально-освободительного движения, но все сводилось к одному — не допустить, чтобы Вьетнам стал свободным.

Существует во Вьетнаме мудрая пословица: «Когда пьешь воду, не забывай об источнике». Ее часто приводил в своих выступлениях и статьях товарищ Хо Ши Мин. Он неоднократно подчеркивал, что источник всех побед и успехов вьетнамского народа — это Октябрьская революция, это победа советского народа в годы второй мировой войны.

В Демократической Республике Вьетнам широко отмечается 30-я годовщина Победы Советского Союза над фашистской Германией.

— Вот видите, как славно получается, — сказал мне инженер одного из ханойских заводов Чон Нгок Хиен, — и ваши, и наши победы мы празднуем в мае. И прекрасно понимаем, что наши победы неразрывно связаны с вашей помощью и поддержкой. Да и вообще, не было бы вашей победы 30 лет назад, неизвестно, как бы развивалась история. Думаю, что вряд ли мы сейчас вместе с вами здесь, в Ханое, отмечали бы такие выдающиеся успехи южновьетнамских патриотов.

Победа, одержанная советскими солдатами в 1945 году, открыла путь освобождению многих народов. Сегодня мы от души приветствуем патриотов Вьетнама, которые завершили свою борьбу за национальное освобождение. Между этими победами — долгий путь, длиною в 30 лет. Мы прошли его вместе под знаменем пролетарского интернационализма, боевой солидарности, дружбы и братства.

Л. КРИЧЕВСКИЙ,
собственный корреспондент Советского телевидения и радио — для «Литературной газеты»
ХАНОЙ. (По телефону)

РЕПЛИКА

ПЕКИН ШАНТАЖИРУЕТ...

Пекинские лидеры дождались-таки: «новогвинейцы» набрасываются потрясения» наконец зятелось. Весь мир оно, правда, не охватило и к социальным или политическим переменам не привело. Всполошились японские деятели и органы печати, да и то только те из них, кто до сих пор считал цветственно-высокомерные поучения пекинских руководителей. От поучений и указаний Пекин перешел к подстрекательству и шантажу — в точном соответствии с хорошо известной и в Японии китайской поговоркой: добыв горсть, хотят добыть охапку.

В ходе японо-китайских переговоров по поводу заключения договора о мире и дружбе Пекин выдвинул требование включить в него статью, обязывающую Японию выступить, как сказано в китайском проекте, «против попыток любых стран или группы стран установить гегемонию в Азии». Маоистская пропаганда не скрывает антисоветской сути проекта статьи. Пекин ничуть не смущает, что он пытается навязать Японии договор, направленный против страны, с которой Япония поддерживает дружественные отношения.

Пекину мало вбить клин в советско-японские отношения. Ему хочется сделать Японию своим партнером по проведению антисоветской политики. Пекин настаивает, чтобы проектируемый договор предусматривал систему «необходимых консультаций» в тех случаях, когда встанет вопрос о противодействии так называемой «гегемонии». Иными словами, Пекин замыслил антисоветский японо-китайский военный союз.

Предлагаемый Пекином проект японо-китайского договора согласуется с нынешней международной обстановкой примерно так же, как живой динозавр с окаменелыми отпечатками своих лап. Несоответствие этого проекта договора национальным интересам Японии столь очевидно, что не нуждается в разъяснении. Надо думать, в Пекине отдали себе отчет в этом, но ничего лучшего не нашли, как оказать давление на Японию. 16 апреля заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяо-пин, например, сказал одному из японских общественных деятелей, что «встать в гегемонию» может сделаться выгодной для Японии в плане осуществления возвращения четырех северных островов». Японская печать отреагировала: «Включение в договор, имеющий целью сохранить не длительный срок дружбу между обеими странами, положения, объектом которого являются «третьи страны», — это не только исключительный случай с точки зрения международных обычаев, но и может вызвать непредвиденные международные конфликты».

Подсыкания, как видим, оказалось недостаточно. И творцы пекинской политики решили прибегнуть к тривиальному шантажу. Другой заместитель премьера Госсовета КНР — Цзи Дэнкуй заявил на встрече с японской делегацией: «Если Япония и впредь будет возражать против включения в договор положения о «гегемонии», то ее можно считать страной, стремящейся к гегемонии».

Судя по сообщениям из Японии, в токийских правительственных кругах переполошились. Мнение «пекинского» овладело печатью. Автор опубликованной в «Асахи ининг нью» статьи взмолился: «Мы просим понимать, что цель японо-китайского договора о мире и дружбе заключается в том, чтобы сделать мир в Азии более надежным и что к Советскому Союзу не следует относиться как к противнику». Автор этот, без сомнения, понимает, что Япония, позволь она Пекину «взнуздать» себя, вынуждена будет разделить с маоистами ответственность за их политику разжигания в Азии вражды и недоверия. Разумеется, это неизбежно скажется и на характере советско-японских отношений, которые до сих пор развивались в духе добрососедства.

Как заявил видный общественный деятель Дайсаку Икеда, от 70 до 80 процентов японского населения недоумевает, почему в договор о мире и дружбе нужно включать статью, направленную против «гегемонии».

А что если прийти действительно в себя и трезво задаться вопросом: в самом деле, почему?

Владимир ЦВЕТОВ

СИБИРЬ В ДНИ ВОЙНЫ И В ДНИ МИРА

30 ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Великая Отечественная война была организована и велась самыми этими словами, и они участвовали каждый советский человек — люди эти с людьми, национальностями всех наций подвелись на защиту своих рубежей. Не было в стране деревни и города, города и селения, области и края, округа и республики, которые не внесли бы свой вклад в Победу.

Материалы этих страниц рассказывают о героическом подвиге, совершенном на фронте и в тылу сибиряками, о том, что сегодня сделалось великие трудовые вклады в дело укрепления мощи страны, ставшую тогда в военных испытаниях.

Танки — фронту. Стиль Лесной. Алей Алтая

Лотка в Новосибирске — инженеры Сибири

Фото М. Шахова и ТАСС

СТОРОНА МОГУЧАЯ, СТОРОНА ЩЕДРАЯ

Сергей САРТАКОВ

Когда-то Сибирь... Сибирь... Сибирь...

ГРОМ ПОБЕДЫ

Евгений НОСОВ

Я ВОЕВАЛ в истребительно-противотанковых войсках, а если точнее, то в 1969-м полку отдельной артиллерийской бригады Резерва Главного командования (РГК), которую возглавлял полковник Сыроваткин, и на всех наших машинах белел опознавательный знак «С», что читалось как «хозяйство Сыроваткина».

Хозяйство это состояло из трех полков пятибатарейного состава по четыре 57-миллиметровые длинноствольные пушки в каждой батарее. Это — всегда танкоопасное направление, средоточие вражеских сил, ожидание концентрированного удара. Это — всегда в передовых порядках пехоты, на самом огнедышащем краю фронтовой полосы, всегда — скрытная, потаенная жизнь на виду у противника, когда с рассветом всякое шевеление на позиции грозило демаскировкой и обстрелом и все замирало у орудий, тщательно закрытых и закиданных ветками, бурьяном или соломой, смотря по местности.

На долгие световые часы орудийные расчеты затаивались в ячейках, в боковинах которых каждый себе отрывал глубокую нору. Это и было нашим жильем, единственным прибежищем, где мы вынуждены были коротать эту барсучью землянку настороженную жизнь в недвижной замкнутости и разобщенности.

За все это нас так и прозвали — барсуки.

С наступлением сумерек расчеты оживали, можно было выползти наверх, размять затекшие ноги. Ночью, в зыбких отсветах немецких ракет, мы принимались за работу: осторожно, чтобы не стучать лопатами, углубляли и поправляли огневую, пушечные капониры карманы, укрытые под бревноприпасы, маскировали свежевыброшенную землю, таскали на себе ящики со снарядами из батарейных тылов.

В этой артиллерии люди подолгу не задерживались. Едва познакомишься с привычками, едва притрешься друг к другу, и уже кого-то уносят в санчасть, кому-то роют скорбную двухметровку... Сколько прошло вот так через наши расчеты, которые редко когда были в полном составе, чаще же приходилось вчетвером впятером тащить на себе пушку, увешанную по стволу для противовеса ящиками со снарядами. Тащить, не поднимая головы, буквально на карачках, а в ней, матушке, чистых тысяча сто пятьдесят килограммчиков! И эта скоротечность бытия и давность событий смешали и перепутали имена моих недолгих побратимов.

Однако некоторых своих товарищей по оружию помню довольно пластично, хотя с тех пор и минуло тридцать с лишним лет.

Особенно накрепко врезался в память наш батареец, старший сержант Борисов. Кажется, такая его фамилия. В общем-то, близко я его не знал: я числился заряжающим второго расчета, а он — командиром первого, так что, как говорится, из одного котелка не хлебали. Знал я только, что в армии он еще с довоенных времен и не снимал гимнастерки что-то уже лет пять или шесть. Откуда он родом и была ли у него семья, родные — мне тоже неизвестно. Однако тяготы войны, казалось, никак не отразились на нем. Выглядел он свежо, опрятно, насколько позволяла наша норная жизнь, при первой возможности стирал свою гимнастерку, на которой всегда белел жесткий пластмассовый подворотничок. Весь он был какой-то основательный и прочный: и крупными плечами, и сильными икрами, распиравшими голенищи внушительных кирзачей, и даже крупным, аккуратно выбритым лицом с детской белобрысостью бровей и ресничек ершиком под пилоткой. Был он приветливо голоубогл и как-то внутренне осиян, так что мне казалось, будто он постоянно что-то напевал про себя. Я не слышал, чтобы Борисов, как иные командиры орудий, повышал голос, и на его огневой обычно тихо и незаметно раньше всех заканчивались земляные работы.

Наверно, не мне одному хотелось попасть в расчет Борисова, от которого веяло незыблемой надежностью, как от пяти накатов над головой.

С наступлением темноты, когда все выползали наружу, Борисов иногда наведывался к нам. Заходил он просто так, по соседству. У него была неизменная привычка: войдя в орут огневой, нагнуться к орудию, скользнуть взглядом по стволу, заглянуть в щитовую надстыковую щель, будто он проверял направленность пушки. Делал он это все с той же неизменностью, с кажущимся мурлыканьем какой-то внутренней песенки. Потом окидывал огневую, снарядные ниши, упоры под сошники и подсаживался к нам на раскинутые стеганки, которые вечеру перед ужином, если фриц не свирепствовал, не чесал по передовой из пулеметов, служили нам вроде деревенских посиделочных скамеек. Да и при внезапном обстреле всегда можно было пасть под пушку, заслониться ее щитом, колесами и бруствером.

— Ну как, еще не соскучились по танкам? — усмешливо спрашивал Борисов.

По «тиграм», конечно, не заскучаешь, и бойцы принимали шутку, оживлялись и лезли за куревом.

— Так... — усмехался Борисов. — Ну, а если наводчик выйдет из строя, ты, Пермяков, к примеру, сможешь заменить?

Пермяков, долговязый, несладный солдат в обмотках под самые коленки, недавно прибывший с пополнением, конфузливо мялся.

— С прицелом-тоознакомился?

— Пока не.

— Что же так? Ты артиллерист, все должен знать, пригодится.

— Я ж дотоль в пехоте был. Там этова не требовалось.

Борисов вставал, а нам было жаль, хотелось, чтобы посидел еще. Есть такие люди — чем-то притягивают к себе.

И все же мне довелось повоевать с Борисовым бок о бок. Вернее, даже не повоевать, а вместе выпустить всего лишь несколько снарядов.

Было это в начале июля 44-го.

Бобруйскую операцию мы начинали под Рогачевом с форсирования Друти. Кто был на этом лобовом участке прорыва, тот знает эти тяжелые бои. Шлюз, не то трое суток мы не могли сдвинуться с захваченного плацдарма, отражая свирепые танковые контратаки. И лишь после флангового охвата немцы начали пятиться и отходить на Бобруйск. Не буду давать в подробности разгрома Бобруйской группировки противника, это всем хорошо известно. Скажу только, что наша бригада в те дни на предельных скоростях рыскала по лесам, затыкая дыры, устраивая засады и заслоны на путях метавшихся в окружении танковых частей фашистов. Фронт давно куда-то ушел, через несколько дней был освобожден Минск, а мы все еще схватывались с немцами в наших глубоких тылах, громили его технику, загоняли в топи. После ликвидации Бобруйского котла нас срочно перебросили к Минску, в окрестностях которого шла такая же кровопролитная сеча, где была зажата в кольцо стотысячная группировка противника. Отдельные ее части с фанатическим упорством пытались прорваться на запад, и нашу бригаду выбросили на наперерез в район станции Негорелое, которую помню еще со школьной скамьи, поскольку она была последней нашей точкой на старой границе.

Тут-то, в районе самого Негорелого, чуть ли не на Барановичском шоссе, наша батарея с ходу и напоролась на выходившие из окружения немецкие части.

Мы сидели по машинам, когда внезапно слева, с высокого склона, поросшего рожью, по нам открыли пулеметно-автоматный огонь. И тут же из хлебов поднялись зловещие немецкие каски.

— Орудия к бою! — послышалось по нашей маленькой колонне, и мы кубарем вывалились из машин, в считанные секунды сбросили ящики со снарядами, сняли пушки с крючьев и развернули их навстречу немцам.

Да, братцы мои, такое вовек не забудется! Желтая, поспевающая рожь враз почернела от поднявшихся во весь рост фашистов. Мы в упор встретили их картечью — картонными снарядами, начиненными 250 шариковыми пулями. Расчеты вели огонь между тут же стоявших машин. Вправо от нашего орудия грохотала пушка старшего сержанта Мухамединова, слева — самая крайняя — Борисова.

Мы работали у орудий на голом шоссе, и ничто нас не прикрывало, кроме пушечных щитов, скрежетавших от автоматных очередей. По за щитом не прихоронишься. После каждого выстрела пушку, сошники которой не имели упоров, отбрасывало к самому кювету, и надо было хвататься за станины и снова выталкивать орудие на шоссе. Сначала пушку возвращали на позицию в считанные секунды, но вскоре расчеты стали нести потери, и выкатывать тонное орудие малыми силами стало все труднее и труднее.

Я себя совсем не чувствовал, меня, казалось, не было вовсе. Руки мои работали, помимо моей воли, в каком-то механическом неконтролируемом движении. Гремел очередной выстрел, мимо, изрыгая пороховые газы и дымящуюся гильзу, мелькал казенник, пушка, подпрыгнув и сбивая с ног артиллеристов, заваливалась в кювет, и мы, чумазые, закопченные, перепачанные чьей-то кровью, уже не узнавая друг друга — кто есть кто и сколько нас, — какими-то озверевшими мышцами, молча, а может быть, и не слыша своих голосов, упрямо выталкивали орудие на прежний рубеж.

И все-таки силы были неравными. Кончились и боеприпасы — те несколько ящиков, которые успели сбросить с машин. Я даже не помню, как остался один у орудия и уже ничего не мог сделать с пушкой, которая, завалившись станинами в придорожную канаву, беспомощно задрала к небу свой длинный хобот. Помню только, что я, как-то враз обессилевший, сидя в кювете, никак не мог вскрыть диск автомата. Но я его все-таки вскрыл. Там оказалось всего лишь семь патронов. И меня охватила тоска...

И вот тут-то я увидел Борисова. Пригнувшись за щитом, он один отстреливался из своего орудия. Его расчет успел-таки накинуться, кольями, снарядными ящиками укрепить сошники, и пушка его, окруженная стреляными гильзами, которые он отшвыривал из-под нанатника сапогами, то и дело вххала пронзительно визжащей картечью.

Не вставая, я пополз к нему помочь.

Борисов, лишь мельком взглянув на меня и коротко бросив: «Осколочный!» — сосредоточенно припал к резиновому наглазнику прицела.

Вблизи орудий немцев не было. Они откатились подальше от картечных ружьев, залегли где-то во ржи и оттуда вели огонь вслепую, не поднимая головы. Но вот вскоре, опомнившись, одни ринулись густой лавой в атаку, и их рогатые каски вдруг замельшали над колосьями чуть левее орудия. Было ясно, что они хотели обойти батарею с фланга и отрезать ее от своих.

— Кадре-е-ечы! — как-то азартно пропел Борисов, и его голова заходила ходуном оттого, что он бешено напручивал рукоятку разворота.

И тут это случилось. После еще одного выстрела расшатавшееся колыя вышибло из-под сошников, и пушка, с лязгом растаскивая пустые гильзы, покатилась по асфальту в канаву.

Ах черт, если бы не эти проклятые сошники! Уже не слышно было третьего орудия Мухамединова. Вскоре замолкло и четвертое. Я навалился плечом на правое колесо, а Борисов, сомкнув станины и приподняв их на плечи, весь набычась, уперев в землю могучие столбы ног, пытался вытолкнуть пушку на шоссе. По вздувшемуся от напряжения лицу его блуждала какая-то теперь виноватая улыбка, будто он стеснился передо мной своего бессилия. Я же тужился хоть сколько-нибудь провернуть колесо, но, уже окончательно выдохнувшийся и надтолщенный, мало чем мог помочь командиру орудия.

— Все будет хорошо! — твердил Борисов, подбадривая меня. — Все будет хорошо.

Но пушка не поддавалась.

И тогда он, продолжая приговаривать: «Все будет хорошо», — вышел из-за щита и, охватив своими ручищами пушечный ствол, принялся воротить его на сторону. 1 150 килограммов металла шевельнулись и медленно начали разворачиваться.

— Давай, поше-е-л! — слышался его, подбадривающий голос, будто вокруг не свистели пули, будто он работал на какой-нибудь молотилке.

— Иде-е-т, нд...

Пушка резко дернулась и грохнулась о землю зазубренными станинами.

Я высунулся из-под щита и не увидел Борисова.

Широко раскинув кирзачи, он лежал на асфальте. На его спине, на выбеленной солнцем гимнастерке как раз под лопаткой зловеще проступило темное пятно.

Немцы вырвались к шоссе и залегли в противоположном кювете. Остатки нашей батареи сбились в кучу за одной из догорающих машин, маскируясь в черном дыму, отстреливаясь. Я перевел автомат на одиночные выстрелы и старался как можно дольше растянуть свои патроны...

На какое-то мгновение немцы, засевшие от нас в десяти метрах по другую сторону шоссе, замешкались. Воспользовавшись этим, комбат решил отходить. Но отходить было некуда, кроме болота, которое начиналось сразу же за нами под насыпью. И мы, швырнув разом из-под машины несколько оставшихся гранат, ринулись в трясину. О том, что мы ушли, оглушенные фашисты сообразили не сразу, и только спустя какое-то время на нас, пробиравшихся по грудь в воде среди камышей и кудлатых тальников, обрушился огненный шквал. На противоположный берег выбралось всего несколько человек.

Потом, сколотив группу, мы отбили внезапной атакой свои орудия и отбросили немцев. Тут же, у шоссе, во ржи, поваленной картечью, вырыли братскую могилу и снесли с поля боя к ней своих погибших батарейцев.

Завернули в плащ-палатку и старшего сержанта Борисова. Даже смерть не смогла стереть с его лица неизменную улыбку. Казалось, он и тогда, у края свежей могилы, шептал про себя: «Все будет хорошо».

Бойцов собрали на короткий прощальный митинг. Политрук произнес речь, и только из нее я узнал, что Борисов был парторгом нашей батареи.

Грохнул залп последних воинских почестей, и полк ушел на запад. Впереди ждала многострадальная Польша, за ней пятилетнее логово ненавистного врага. И долги еще были версты, и трудны рубежи на пути к нашей общей победе.

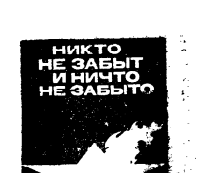
* *

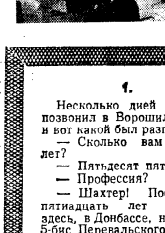
Горькая это миссия — навещать братские могилы. Как ни бейся сердцем о молчаливые надгробья, как ни скорби о павших, понимаешь, что ничем и никогда им уже не помочь. И хотя я тоже не изоспал кровавых рубцов, а один из осколков и до сих пор сидит в моем правом виске, и лишь случайный случай не уложил меня рядом с ними, — всякий раз, стоя у обелиска, испытываешь чувство вины, что жив.

Сжатенна мысль от роковых судеб в минувшей войне, и, только переведя взгляд на мирные дали, утешаешься сознанием: мы, оставшиеся в живых, — благодарные свидетели того, что все же неисчислимые жертвы были не напрасны. Родина, во имя которой пали они, осталась жива и будет пребывать вовеки.

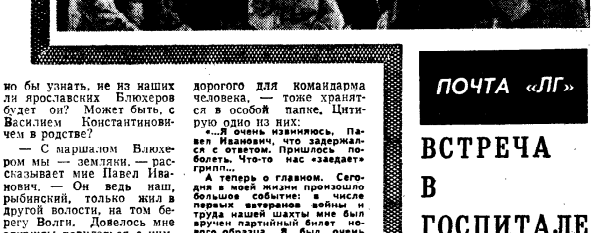
Пусть же в день великой Победы до ваших тихих могил долетают весенний переплеск родных берез, шелест хлебных всходов и детский смех. И вольный выгвор отечественной речи спасенных вами от порабощения.

КУРСК





НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВЕТЕРАНЫ...



Из почты генерала армии П. И. Батова

1.

Несколько дней назад я позвонил в Ворошиловград, и вот какой был разговор:

— Сколько вам сейчас лет?

— Пятьдесят пять...

— Профессия?

— Шахтер! Последние пятнадцать лет работал здесь, в Донбассе, на шахте 5-бис Перевальского шахтоуправления. Был проходчиком, мастером, взрывником, инспектором по технике безопасности... Сроднился с шахтой. Это мой дом родной: здесь меня приняли в партию; здесь на мою долю выпало много счастья. Какой замечательный народ, наши шахтеры: и воины, и работники что надо! Народ-кремень! Ветеранов войны у нас много. Не смотрите, что они посивели — еще лично рубят уголь в лаве. Вот возьмем моих друзей — Ивана Кирилловича Петренко и Григория Емельяновича Кумбеля. Солдаты Отечественной! Шахтеры после войны...

— А вы кем воевали?

— Был рядовым... Рядовой 235-го армейского зенитно-артиллерийского полка 65-й армии, которой командовал генерал армии Батов. Надеюсь, слыхали про нашу армию...

Шестьдесят пятая! Она дала Родине 321 Героя Советского Союза. Крушна врага, неся потери и побеждая, она прошла от Сталинграда до берегов Одера. Хоть и поседели, но не постарели душой ее ветераны. Они и сегодня еще рубят уголь, варят сталь, растят хлеба, конструируют самолеты... Они трудятся — и всегда помнят войну.

...Конечно, председатель Советского комитета ветеранов войны, бывший командарм 65-й, дважды Герой Советского Союза генерал армии Павел Иванович Батов тоже ничего не забыл. Я имел возможность недавно убедиться в этом, целую неделю читая его почту, «листая страницы» его личного архива. Это — папки с документами военной поры. Уникальные альбомы фронтовых фотографий. Карты. Особые папки переписки — их десятки...

Здесь, в этой до отказа заполненной свидетельствами войны и победы комнате, командарм мысленно встречается с ветеранами 65-й — ее стрелками, артиллеристами, пулеметчиками, саперами... Один из них живет и трудится в городе Чебаркуль.

2.

— Слышали ли вы когда-нибудь о Чебаркуле? — спрашивает меня Павел Иванович.

— Да, слышал...

— Я сейчас часто думаю об этом славном уральском городе. И знаете почему? Недавно здешние пионеры разыскали одного из красноармейцев 661-го полка 194-й дивизии нашей армии — Николая Дмитриевича Голубятникова. Разыскали и немедленно уведомили меня: живет герой и еще работает! Железный солдат! Вот гляньте на старую армейскую карту. Видите, она помечена 25 июня 1943 года. Это было перед самой битвой на Курской дуге. Нам нужно было узнать, куда противник намеревался направить свои танки, — вот мы и выбросили боевые секреты...

...В одном окопе были два солдата — Голубятников и Бестужев. Противник обнаружил секрет, окружил его, решив взять бойцов живыми. Бестужев был убит. Голубятникова пронзили 19 осколков от мины сознание. Гитлеровцы сочли его тоже убитым. Обшарили карманы, перевернули на живот. Дикая боль вернула ему сознание, но, стиснув зубы, он даже не вздохнул: пусть считают мертвым...

— На следующий день вместе с членом Военного Совета, моим другом, генералом Радецким мы приехали в госпиталь проведать Голубятникова, — вспоминает генерал Батов. — Глажу, лежит солдат, весь в бинтах. Спрашиваю о самочувствии, отвечает: «Ничего!». Спрашиваю о бое, отвечает: «Было дело!» Коротко и ясно! Объявил Голубятникову приказ Военного Совета и вручаю ему за подвиг орден боевого Красного Знамени. А потом, после Победы, исчез наш Голубятников, словно в воду канул. Лет двадцать искали — не могли найти. И вдруг следопыты чебаркульской школы № 6 нашли пионера...

...Писем из Чебаркуля много, целая пачка. В одном из них бывший воин 65-й армии Н. Д. Голубятников пишет П. И. Батову: «Живем мы, товарищ генерал армии, хорошо, чего и вам желаем. С первого числа поступил на работу. Да, Павел Иванович, как ваша никита «В походах и боях» появилась у нас, в Чебаркуле. Так и начали меня по праздникам в президиумы самать вместе с лучшими людьми города. На старости лет я в школу стал ходить: состою теперь при пионерах и рассказываю ребятишкам про войну, про нашу 65-я армию. А они с жадностью слушают...».

В чебаркульской папке хранятся газетные вырезки, фотографии. На одном из снимков запечатлены два чебаркульца — ветераны 65-й армии былой солдат, ныне рабочий Николай Голубятников и былой капитан, ныне школьный преподаватель Николай Парфенов. Снимались, видно, после работы. Лица немного усталые, но глаза совсем молодые.

3.

— Это тоже не совсем обычные документы, — говорит Павел Иванович, протягивая новую папку.— Можно сказать, сама наша жизнь — трудная и гордая. Здесь — письма бывшего старшего сержанта третьего полка 37-й гвардейской дивизии Ольги Яковлевны Кривонос.

...На давней фотографии — шестеро ребят. Читаю надпись: «Это наши дети — Тамара, Миша, Люба, Валерий, Зоя, Вова». А вот свежие фото: моряк-пограничник Михаил Кривонос, солдат — отличник Советской Армии Валерий Кривонос, комсомолка — работница Люба Кривонос. И, наконец, фотография их матери — Ольги Яковлевны Кривонос.

Читаю ее обстоятельные письма и вижу город Кобеляки на полтавской земле, где до войны жила большая семья коммуниста Ольги Кривонос: восемь детей было у него. Началась война, на фронт ушли старшие сыны и шестнадцатилетний комсомолка Оля: она просто сбежала на войну и попала в один из полков 65-й армии. В наступлении под Севском прошла боевое крещение — как санитарка и как стрелок («автомат с плеч не спускала!»). Вот что она пишет своему командиру:

«...Я форсировала пять рек: Днепр, Сож, Снов, Десну. Принять я всегда была на первом плоту... Вскоре меня приняли в кандидаты партии и присвоили звание «старший сержант». Какой это был счастливый день! В последнее время командовала санитарным взводом. ...После войны я вышла замуж за гвардии капитана Михаила Кривоноса. На фронте его семь раз ранили. Уехали мы в Донбасс: он работал на шахте горным мастером, а я хозяйничала дома. У нас шесть детей. Посылаю семейную фотографию. Тут три моих сына и три дочки... Многое пришлось пережить...»

— Сколько лет переписываюсь с Ольгой Яковлевной, столько времени не перестаю дивиться: какая сила духа! — говорит Павел Иванович Батов. — Какие, в самом деле, у нас замечательные женщины! Думаю об Ольге Яковлевне, и, признаться, хочется отдать ей честь: все вынесла, все отдала Победе! Недавно умер ее муж, фронтовик и шахтер. И эта беда не сломила ее. Теперь дети Ольги Кривонос вступают в трудовую жизнь, и кто может сомневаться, что они будут достойны своих родителей?

4.

Теперь вернемся к телефонному разговору с Ворошиловградом, который начат этот репортаж. Но для этого нам придется мысленно перенестись в весенние дни 1945 года...

...Бои шли на германской земле. Есть здесь не очень широкая река Шварцвассер, что в переводе на русский язык означает «Черная вода». Вот эту реку и должен был перемахнуть 235-й армейский артиллерийский полк 65-й армии. Победа была уж совсем близка, но, как известно, «последний бой — он трудный самый»...

...Штурмовая группа тихонько перебралась через реку и незаметно вползла в ближнюю вражескую траншею, которая была выкопана по соседству с домами затененного поселка. И вдруг из какого-то чердака хлестнула пулеметная очередь. Солдат Блюхер пополз к фашистскому пулемету и гранатой уничтожил вражеский расчет...

Генерал-армии Батов хорошо помнит то утро, когда на своем КП он читал очередную армейскую сводку. С ходу «проглотил» пять строк об отважных действиях неизвестного разведчика, перечитал, подчеркнул эти строки и сказал члену Военного Совета армии:

— Как лихо вчера дрался солдат Блюхер! Интересно бы узнать, не из наших ли ярославских Блюхеров будет он? Может быть, с Василием Константиновичем в родстве?

— С маршалом Блюхером мы — земляки, — рассказывает мне Павел Иванович. — Он ведь наш, рыбинский, только жил в другой волости, на том берегу Волги. Довелось мне однажды повидаться с ним. Это было давно. Тогда я полковой школой командовал. Блюхер, как известно, на Дальнем Востоке, Особой Дальневосточной... Здесь полковые школы были отменные, поставлялся. Вот меня и послали туда ума-разума набираться. Сердечно принял командарм земляка...

И вот спустя столько лет сижу на командном пункте, читаю армейскую сводку о солдатской доблести штурмовой группы, в которой были майор А. Шибаев, старшие сержанты О. Оганесян и И. Маслов и, наконец, солдат Блюхер. Запросил имя-отчество. Доложили: Василий Васильевич! Видимо, сын полководца... Потом, при встрече, лично убедился в этом — живая копия отца: высокий, рослый, сильный... Много трудного выпало на его долю, но Всеволод все выдержал. Он достойно сражался за Родину, совершил славный подвиг, за что и был награжден орденом Красного Знамени. Замечу, к слову, маршал Блюхер был первым маналером этого ордена. Этим же орденом увенчана солдатская слава его сына. После Победы Всеволод уехал в Донбасс уголь добывать. Отменным стал шахтером. Здоровье, правда, недавно его подвело — вынужден был уйти на пенсию. Но шахту по-прежнему считает своим родным домом.

...Письма шахтера В. В. Блюхера, очень близкого и дорогого для командарма человека, — тоже хранятся в особой папке. Цитирую одно из них:

«...Я очень извиняюсь, Павел Иванович, что задержался с ответом. Пришлось поболеть. Что-то нас «заедает» грипп...

А теперь о главном. Сегодня в моей жизни произошло большое событие в числе первых ветеранов войны и труда нашей шахты мне был вручен партийный билет нового образца. Я был очень тронут и взволнован, когда первый секретарь райкома партии под аплодисменты товарищей сказал:

— Позвольте вручить партийный билет человеку сложной и гордой судьбы, товарищу Блюхеру Всеволоду Васильевичу.

...Как это приятно и по-человечески хорошо. Я испытал большое радостное волнение, держа в руках партийный билет с изображением Владимира Ильича Ленина».

* *

Хочу завершить репортаж стихами: как же в праздник, да еще в такой праздник, обойтись без них! Они написаны бывшим старшим сержантом 327-го артполка знаменитой 186-й дивизии, ныне 70-летним ветераном Отечественной войны Арсением Михайловичем Кенсицким.

Стоявший рядом матрос потряс перевязанной рукой:

— У меня такая злость на врагов, что... Расколотим мы их! В Берлине расколотим.

И такая твердая убежденность прозвучала в его словах, что верилось — победа не за горами.

Михаил Иванович, поглаживая бороду, хотел что-то добавить к словам матроса, но загрохотали зенитки, завыли сирены. А когда чуть поутихло, он поглядел из окна и внимательно и сказал:

— Это хорошо. Но путь к победе еще долог. Друзья мои! Во всяком случае победить надо обязательно! И мы победим!

— Можете не сомневаться, Михаил Иванович, — заговорили наперебой раненые. — Выдержим... Будьте спокойны... Мы фашистам покажем, как умеют драться за Советскую власть...

В. ГИЛЛЕР,
полковник
медицинской службы,
заслуженный врач РСФСР

* * *

М. И. Калинин среди раненых в госпитале № 290 Западного фронта. 21 декабря 1941 года.

ПОЧТА «ЛГ»

ВСТРЕЧА В ГОСПИТАЛЕ

В декабре 1941 года наш сортировочно-эвакуационный госпиталь взбудоражила радостная весть: приехал М. И. Калинин. И вот Михаил Иванович, всесоюзный старостА, осматривает госпиталь...

Он удивительно легко находил общий язык с ранеными. Присаживался на кровать и низко склонив голову, что-то тихо говорил, потом улыбка долго не покидала лица раненого. Но иногда эти разговоры и прерывались. Вот высокий, сухощавый красноармеец, опираясь на костыль, приподнялся, выжидал момент и вступил в разговор:

— А я, Михаил Иванович, — артиллерист. Первый месяц служу. Прямо скажу, сперва-ночку было страшновато, а теперь осмотрелся. Помаленьку с товарищами крошим фашистов.

Стоявший рядом матрос потряс перевязанной рукой:

— У меня такая злость на врагов, что... Расколотим мы их! В Берлине расколотим.

И такая твердая убежденность прозвучала в его словах, что верилось — победа не за горами.

Михаил Иванович, поглаживая бороду, хотел что-то добавить к словам матроса, но загрохотали зенитки, завыли сирены. А когда чуть поутихло, он поглядел из окна и внимательно и сказал:

— Это хорошо. Но путь к победе еще долог. Друзья мои! Во всяком случае победить надо обязательно! И мы победим!

— Можете не сомневаться, Михаил Иванович, — заговорили наперебой раненые. — Выдержим... Будьте спокойны... Мы фашистам покажем, как умеют драться за Советскую власть...

В. ГИЛЛЕР,
полковник
медицинской службы,
заслуженный врач РСФСР

* * *

М. И. Калинин среди раненых в госпитале № 290 Западного фронта. 21 декабря 1941 года.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА В ДНИ 30-Й ГОДОВЩИНЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ

НА СНИМКАХ: у памятника советскому воину в Трептов парке; берлинские новостройки.

Фото специального корреспондента «ЛГ» М. ТРАХМАНА

Ганс-Иоахим ГОФМАН:

НАШ ПУТЬ ДЛИНОЮ В ТРИДЦАТЬ ЛЕТ...

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-Й СТР.

в накратчайший срок; они не редко осваивали сегодня то, что завтра передавали ученикам. Такие писатели, как Гюнтер де Бройн, Бернгард Зестер, Альфред Вальтер, вливались в молодую учительскую смену сразу после 1945 года. Многие другие — в том числе Вернер Гайдучек, Бригитта Райман, Макс Вальтер Шульц — тоже работали в школе, что оставило в их сознании глубокий след и потом нашло отражение в творчестве.

Наряду с этими писателями выступили и авторы предыдущего поколения, талант которых достиг, однако, полного расцвета лишь в условиях социалистического общества.

Процесс обновления культуры включал и тесный союз со старой интеллигенцией, готовой к сотрудничеству в целях создания нового общества, и формирование новой интеллигенции из народа. При этом было творчески использовано учение Ленина о становлении социалистической культуры, разработанное применительно к задачам молодого Советского государства. И вполне закономерно, что эта тематика привлекла внимание писателей. Авторы знали по собственному опыту, какое огромное влияние — и хорошее, и дурное — может оказать школа на молодежь. Кто да, творчески работающий играет такую же важную роль, как учитель? Ведь объектом его творчества является человек», — говорит Анна Зегерс.

Обращаясь к литературе, повествующей о первых послевоенных годах, нельзя не вспомнить учителя Вальдштейна из романа Анны Зегерс «Решение». В образе этого коммуниста, узника концлагеря, директора школы в ГДР, воплощены лучшие традиции немецкого рабочего класса, которые он передает своим ученикам. Приходит на память и доктор Фюслер — один из героев романа Макса Вальтера Шульца «Мы не пыль на ветру». В прошлом учитель гимназии, он находит осуществление своих гуманистических идеалов лишь в социалистическом обществе.

Я мог бы назвать и многие другие подобные книги. Именно в сфере педагогики процессы коренной исторической и культурной перестройки, происходящие после 1945 года, получают поэтически зримое отображение. Отношения учителя и ученика могут служить примером человеческих отношений, характерных для общества в целом, могут дать представление об идеях этого общества и возможностях их воплощения. Социализм помогает выявлению индивидуальности каждого человека — именно в этом и заключается задача учителя.

ВОПРОС. В «Защите поэзии» Иоганнеса Бехера говорится, в частности: «Дух и власть — это трагическое противоречие нашего времени — пока с своему разрешению». «Защита поэзии», — утверждает Бехер, — для нас совпадает с защитой социализма». Это было опубликовано в 1952 году. Что можно сказать об этом сегодня?

ОТВЕТ. Это трагическое для немецкой истории противоречие полностью преодолено в социалистическом обществе ГДР. Решающим фактором, определившим слияние гуманистического духа и гуманистической государственной власти народа в ГДР, была и остается ведущая роль рабочего класса и его марксистско-ленинской партии в жизни страны и в особенности в духовной области. Это отнюдь не означает регламентации культурной жизни, как это снова и снова утверждают представители буржуазной идеологии (в том числе и ревизионисты). Напротив, в нашем социалистическом обществе обеспечено целенаправленное раскрытие всех потенциальных возможностей творческой личности.

Особо важную роль сыграли решения о культурной политике, принятые VIII съездом СЕПГ; они углубили отношения доверия и сотрудничества между партией, государством и творческой интеллигенцией. На VII съезде писателей ГДР на основе этих решений развернулся широкий обмен мнениями вокруг брехтовского тезиса о литературе, способной стать «мышлением, вторгающимся» в жизнь общества. Выступления писателей на съезде свидетельствуют об атмосфере, порожденной плодотворным взаимодействием духа и власти в нашем обществе.

ВОПРОС. В Советском Союзе большинство романов Германа Канта «Актовый зал», рассказывающих о жизни рабочего-студента рабфака. Это был один из путей воспитания новой интеллигенции. Очевидно, существовали и другие. А как обстоит дело сегодня? Каковы, по вашему мнению, наиболее характерные биографические черты представителей новой социалистической интеллигенции?

ОТВЕТ. Роман Германа Канта «Актовый зал», как вы справедливо отметили, показывает лишь один путь формирования социалистической интеллигенции. Процессы изменения другой ее части можно, в частности, проследить на примере Тома Брайтшпрехера, героя романа Карла-Гейнца Якобса «Описание одного лета». Ученый и инженер, он хотел быть только специалистом и смотрел на социалистическое развитие с изрядной долей скепсиса. Однако в конце концов он находит свое место в общем процессе развития социалистического общества.

Формирование новой интеллигенции и ее социальное сближение с рабочим классом — процесс длительный и сложный. Отражая его в своем творчестве, писатели делали и делают много открытий.

Вот несколько примеров. Повесть Бригитты Райман «Вступление в будни» стала своеобразным литературным лозунгом. В ней показаны переживания молодых выпускников средних школ, попавших на коренную социалистическую стройку, их знакомство с рабочими будиями. В другом, только что посмертно вышедшем романе «Франциска Линкерхаген» писательница вновь обратилась к своей излюбленной теме — «прибытию» интеллигенции в социалистические будни.

Во многих литературных произведениях последнего времени в центре внимания — художники, писатели и журналисты. Назову здесь «Обман официальных инстанций» Юрека Бекера, «Присуждение поэмы» Гюнтера де Бройна, «Один билет до Карфагена» Эрвина Гюнтера. В романе Германа Канта «Выходные данные» затронута проблема самоосознания интеллигента в сочетании с ретроспективным взглядом на путь, пройденный всем обществом. Герой романа, в частности, ощущает, что после бурного общественного подъема новые «упорядоченные» условия жизни могут сочетаться с революционным поведением, как развивается жизнь в эпоху «трудности гор», а впереди нас ждут «трудности равнины» (Брехт).

Эрвин Штритматтер («Чудодей», т. 2). Криста Вольф («Зунтер дел линдеи»), Анна Зегерс («Странные встречи») предоставляют читателя против одностороннего, чисто рационалистического видения мира, против отождествления научно-технического прогресса с прогрессом социальным. Творчество этих писателей полностью отвечает нашей культурной политике, которая, как это подчеркнул товарищ Курт Хагер на VI пленуме ЦК СЕПГ, исходит из того, что в социалистическом обществе искусство играет незаменимую роль, что его открытия так же важны, как открытия науки.

В 1974 году вышел в свет новый роман Макса Вальтера Шульца «Трипти с семью мостами». В его первом романе («Мы не пыль на ветру») речь шла, в частности, о значении гуманистических традиций немецкой истории и культуры для социалистического общества. И вот как можно было бы сформулировать суть этого вопроса: социалистическая национальная культура ГДР с полным правом претендует на роль хранителя всех национальных и гуманистических традиций немецкого народа.

В своем новом романе Макс Вальтер Шульц ставит вопрос, как следует своим идеалам герои его первого произведения по прошествии четверти века, как социалистическая практика противоречит в жизни идею классического гуманизма о цельном человеке, в котором слились воедино чувство и разум, сознание и поступки, долг гражданина и человечность. Исходной точкой Шульц избрал исторически важную ситуацию. Речь идет о помощи, оказанной ЧССР государствами Варшавского Договора в связи с контрреволюционными событиями, развернувшимися в этой стране в августе 1968 года. Отношение к этим событиям преподавателя Руди Хагедорна и его жены Лен становится мерилом их зрелости.

ВОПРОС. Сегодняшняя жизнь стран социалистического содружества — это интеграция во всех областях жизни: в экономике, науке, культуре. В чем вы видите роль писателя, художника, ученого, инженера в этом процессе?

ОТВЕТ. Иоганнес Бехер назвал однажды литературу «высокоразвитым органом, помогающим народу в формировании его сознания и понимании самого себя». Помимо этого, ее можно было назвать органом, помогающим народу рассказывать о себе другим народам.

На XIII пленуме ЦК СЕПГ товарищ Эрих Хонеккер отметил, что интернационалистское содержание нашей культуры продолжает углубляться. Проявляется это в достаточно разнообразных формах.

Заметно активируется в нашем деле процесс обмена и взаимного обогащения. Общественное развитие приводит к тому, что возникают общие для всех нас проблемы и ставятся одинаковые вопросы во многих областях жизни наших стран.

Наряду с такими «общими точками» взаимных интересов происходит и взаимное обогащение литературных произведений и течений. Правда, при этом надо помнить, что многонациональная советская литература вот уже около 30 лет оказывает исцеляющее влияние на становление литературы ГДР. Эрвин Штритматтер так рассказывает о своих впечатлениях, связанных с советской литературой: «Мое первое знакомство с Шолоховым состоялось при содействии гомика «Поднятой целины». Я читал всю ночь напролет... То, что мы называем «сознанием», было в то время у меня в весьма зачаточном состоянии. После прочтения «Поднятой целины» я понял, что такое наша революция: это трудность бурения в каменных глыбах прошлого. Это удовлетворение и творческая радость от того, что становятся зримыми контуры нового...» Можно привести множество других примеров глубокого влияния советских писателей на писателей из ГДР.

Когда мы говорим, что интернационалистское содержание в искусстве и литературе прежде всего зависит от мировоззрения и политических взглядов художника, то это вовсе не означает, что художественное овладение материалом жизни является второстепенным.

Писатели среднего и молодого поколений живо интересуются человеческими проблемами и конфликтами, связанными с социалистической экономической интеграцией. Эту интеграцию поэт Фолькер Браун, к примеру, рассматривает как «решающий процесс» нашего времени.

Союзы художественной интеллигенции, научные организации и государственные учреждения всемерно способствуют культурному сближению наших народов. Союзы писателей СССР и ГДР регулярно обсуждают наиболее актуальные и злободневные вопросы литературной жизни. Так, например, совсем недавно — в начале апреля — Центральный институт истории литературы Академии наук ГДР совместно с Институтом мировой литературы имени Горького Академии наук СССР провели конференцию на тему «Ответственность за судьбы мира. Литературные аспекты изображения антифашистской борьбы и социалистического строительства в многонациональной советской литературе, в литературах европейских социалистических стран».

Хочу упомянуть еще о Днях дружбы и культуры СССР в ГДР и «Фестивале художественного народного творчества социалистических стран».

ВОПРОС. В современном мире изменяется политический климат. Сейчас создалась обстановка, благоприятная для борьбы за предотвращение угрозы новой войны, для создания прочной системы европейской безопасности. Как деятели науки и культуры ГДР вносят свой вклад в дело мира, в дело укрепления европейской безопасности? В то же время мы постоянно убеждаемся, что не ослабевает идеологическая борьба между миром социализма и капитализма. Как деятели науки и культуры ГДР понимают свои задачи в этой борьбе?

ОТВЕТ. Укрепление международных позиций ГДР сделало возможным в прошлом году наиболее масштабное и эффективное представительство культуры республики за границей, в том числе в капиталистическом мире. Мы активно способствуем пропаганде социалистической культуры, искусства и литературы. Мы расширяем культурные связи с капиталистическими странами. Таким путем распространяются идеи марксизма-ленинизма, укрепляется политика мирного сосуществования государств с различным общественным строем, а также развивается сотрудничество со всеми демократическими силами.

Классовый характер социалистического искусства и литературы, открытая поддержка идей мира, гуманизма и социализма свидетельствуют их ступенчатому воздействию на умы людей. Отношение в ФРГ к литературе ГДР может послужить наглядным примером. Сейчас читатели Федеративной республики с интересом знакомятся с правдивой информацией о жизни в первом социалистическом государстве на немецкой земле. И это произошло после того, как империалистические средства массовой информации на протяжении десятилетий «пересказывали» гибель этого государства.

Наряду с убедительным художественным рассказом о жизни социалистического общества (вспомним и пьесы, где разоблачают человеконенавистническую империалистическую систему. Они активно участвуют в деле защиты мира и европейской безопасности. Они выражают гордость солидарности с людьми, борющимися за свое освобождение от империализма.

ВОПРОС. Социализм — это будущее планеты. И забота о молодом поколении во всех сферах жизни в условиях бурно развивающейся научно-технической революции — первоочередная задача республики. Как вы представляете себе деятели культуры сегодня «учителя в школу?

ОТВЕТ. Такие вопросы нам следовало бы ставить чаще. Они возбуждают фантазию, мы начинаем более глубоко постигать смысл наших повседневных дел. Для ответа на этот вопрос мне хотелось бы бросить взгляд на произведения нашей детской и юношеской литературы. Там мы найдем любознательных мальчиков и девочек, которые пытаются понять реальности нашей жизни. Их кругозор шире пределов нашей страны. Они участвуют в революционных событиях, происходящих в мире. Они критически относятся ко всему бессодержательному и поверхностному. Примером им служат такие люди, чье поведение — выражение единства слова и дела. Когда сегодняшние мальчики и девочки подрастут, они будут критиковать наши ошибки и упущения, но я думаю, что они поймут и наши проблемы и заботы, они оценят с исторической точки зрения необходимость и возможность человеческих действий. Их культура — и это уже очевидно сегодня — не ограничивается высокой степенью знаний. Она становится одновременно культурой деятельного человечества, «культурой чувства», считающей себя причастной ко всему, что происходит на земном шаре.

БЕРЛИН

Николай ГРИБАЧЕВ

ЧЕРЕЗ КОРИЧНЕВЫЕ ОЧКИ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ НА ПОЛЯХ ТЕХ ЗАПАДНЫХ ИЗДАНИЙ, КОТОРЫЕ ФАЛЬСИФИЦИРУЮТ ИСТОРИЮ ВЕЛИКОЙ АНТИФАШИСТСКОЙ ВОЙНЫ.

О СТРОУМЦЫ, перефразируя известную поговорку, утверждают, что самое страшное наказание у бога для завравшихся политиков — это лишение их исторической памяти. Амбиции остаются, а уроки, которые преподала жизнь, начисто забываются. И тогда выходят книги, в которых история мира пишется вверх ногами, прохвосты ходят в героях, рождаются монстры, напоминающие главного персонажа кинофирмы Уиксона Франкенштейна. Они убивают, жгут, взрывают бомбами здания, устраивают крушения поездов и ни в грош не ставят человеческую жизнь ради своих властолюбивых целей. Мир живет, они — правеют и свирепеют; человечество все более склонно решать свои нелегкие проблемы с помощью научного мышления, они — посредством насилия.

Преувеличение, сгущение красок? Ни в малейшей степени. Просто обобщение информации, которая чуть не каждодневно печатается в газетах и передается по радио. Например, в Аргентине только за последнее время убито более двухсот человек — пуля из-за угла, нож в спину, бомба в машину. В Греции последыши черных полковников прямо на улице изуродовали одного прогрессивного студента: после садистских издевательств вырезали по живому телу свастику. Во все времена это называлось изуверством, дикостью, свидетельствовало о патологической психике. Но по вобсенившейся терминологии реакции, за спиной которой отчетливо видна коричневая тень, это называется «политической борьбой». Есть и образец власти, которая может родиться из такой «политической борьбы», — чилийская хунта, административный достижения которой — тюрьмы и концлагеря, культурные — костры из книг, экономические — инфляция и голод.

Буржуазная пресса десятилетиями писала о «происках» коммунистов и вообще об их злокозненности. Теперь этим рассюжам бесам приходит конец, в любой части света люди все больше убеждаются, что программа коммунистов рая и навсегда отвергает террор в качестве политического средства. А у советских людей, когда до них доходит информация о выдуманной политической уголовщине, возникает недоумение — как может это происходить в государствах, которые именуют себя цивилизованными и в случае не прочь похвастать своей демократией? Джунгли, средневековье какое-то! Но один итальянец, мой знакомый, сказал:

— Ничего удивительного. Западные издания читаете? Что сеем, то и жнем. Что же и нем сеется?

Солидная западная пресса в канун тридцатилетия Победы над фашизмом пытывает некоторую растерянность, похожа на музыканта, который «настраивает инструмент», еще не зная, что будет играть. С одной стороны, во имя Победы жертвовали жизнью не только советские люди, но и англичане, американцы, французы в маки, итальянские партизаны в горах, немецкие антифашисты в подполье и многие, многие граждане других стран. И по законам чести надо почтить память павших, достойно отметить знаменательную годовщину победоносного завершения самой страшной и разрушительной войны в истории. Однако, с другой стороны, история после войны пошла не по тому пути, на который ее хотели заверить западные политики того времени. Капиталистический мир даже прочнее стянуто сокращался — сколько он за это время потерял королей, царьков, диктаторов, колоний и подмандатных территорий! А социалистический расширялся, укреплялся. Какая же тут радость для тех, кто со старушечьим упрямством убежден, — или делает вид, что убежден, — что капитализм от бога и навечно, а социализм — от лиз, потому что подписали декларацию об освобожденной Европе, в которой санкционировали «право всех народов самостоятельно выбирать форму правления в своих странах». Сейчас этот принцип главенствует в ООН, является основополагающим в международной жизни. Автор же намекает, что не нужен был такой принцип — ишь чего захотели, выбирать форму правления! Надо было пересадить из Лондона в Варшаву Миколайчика, в Белград устаницу — вот и дело. Но с другой стороны, Черчиль и Рузвельт вроде и не предавали Европу, — не понимали, что творят, а предал ее позже де Голль, потому, что «покрывал ленность, близорукость, национальную посредственность и ограниченность других деятелей».

На русском языке и заголовок статьи, и ее содержание можно выразить непритязательным присловием: «Если бы да кобы, да росли во рту бобы, так был бы не рот, а огород». Поражает в ней другое — извращенность автора, напоминающая след ужа на песке, развязность базарной торговки в лексике и мания величия — высек одним заходом полдюжины государственных деятелей и глазом не моргнул. И оттенок у этого рукоделия явно коричневый — ну чем же отличается это выражение от нацистских? Да почти ничем — и тут, и там народ всего лишь стадо, управляемое западным пастухом. Пинать стадо, детям давать — Но с таких, как «Нэшил ревью», все — будто с гуся вода. Совесть их не тревожит, они, словно камни, равнодушны к миллионам погибших, к страданиям вдов и сирот; пытаются раковой опухолью антикомунизма, они превратились в сеятелей подозрений, раздоров, ненависти.

К сожалению, деяния подобного рода не ограничиваются единичными случаями. Так, например, в прошлом году на Западе, в том числе в США, вышло столько книг и печатных работ о Гитлере, что даже «Нью-Йорк таймс» вынуждена была констатировать: «По количеству изданий этот год можно было назвать годом Гитлера». И вынуждена дать оценку этому явлению: «Как ни отвратительно это звучит, трудно не предсказать, что самое гнусное зрелище в истории цивилизации, возможно, низведено временем до «романов ужасов», в которых нечего искать исторический смысл, ибо это — мануфактура».

Верно, с точки зрения разумного подхода — мануфактура. Но ведь, как это подтверждено исследованиями немцами территории, чтобы обсудить возможности окончания войны». И — о, чудеса в решете, о, сапоги всмятку! — мир чуть было не заключили, разошлись только в самой «малости» — советская сторона настаивала на старых границах, а германская требовала границы по Днепру.

Известно, как пишут историю войны некоторые английские «летописцы»: с их точки зрения битва за Сталинград и Курская дуга — всего лишь эпизоды, а судьба войны решалась в Африке, под Эль-Аламейном, где с обеих сторон в боях участвовало... около десятка дивизий. Ни одному фокуснику мира не удалось сделать мамонта из кролика — монополию на такие чудеса прочно захватили некоторые западные историографы. И, как ни странно, такие «историки» печатают, причем отнюдь не по разделу фантастики, и даже похваливают.

Скажем прямо. Джон Лукач на этом не остановился — взяв, как говорится, ноги в руки, он пустился на поиски «косвенных доказательств», навоз в тень, на плетень, принялся тасовать вымыслы с домыслами. Ну и что же, нашел он хотя бы «косвенные»? Не нашел. Ровным счетом ничего. И в заключение пишет об этой тайне: «Я сомневаюсь в этом, но позволите мне обратиться к осведомленным читателям «Нэшил ревью», включая профессиональных историков и историков-любителей, с предложением начать дискуссию на эту тему».

Давно известно, что «Нэшил ревью» может выдумать что угодно, вплоть до путешествия к созвездию Лебедя на обыкновенной кочерге. Но при убогости фантазии у него есть неизменная черта — антикомунизм. И статья «Тайна Кировограда» имеет свою цель — бросить тень на политику СССР, серьезным людям намекнуть, а простаков убедить: видите, наши парни «в ней», готовились к открытию второго фронта,— только им три года не хватало ниток, чтобы пришить последнюю пуговицу к мундиру последнего солдата,— а советская сторона вела себя вероломно. А это хоть и дрянная, но все же карта в руки противников разрядки.

Да, весьма своеобразно отмечают канун тридцатилетия Победы над фашизмом некоторые западные круги и органы прессы — гонят в реку истории мутные потоки домыслов, инсинуаций, откровенной лжи. Поскольку закон об охране окружающей среды на них не распространяется. Это напомнило мне некую историю. У одного руководителя хозяйства прорвало на ферме оригинальный вал, и стоки со скотного двора по ручьям устремились к реке. Его и критиковали, и прорабатывали на совещаниях, и взыскание наложили. Разговаривая с нами, он краснел от смущения и клялся: «И сам больше не допущу, и детям закажу». Но с таких, как «Нэшил ревью», все — будто с гуся вода. Совесть их не тревожит, они, словно камни, равнодушны к миллионам погибших, к страданиям вдов и сирот; пытаются раковой опухолью антикомунизма, они превратились в сеятелей подозрений, раздоров, ненависти.

К сожалению, деяния подобного рода не ограничиваются единичными случаями. Так, например, в прошлом году на Западе, в том числе в США, вышло столько книг и печатных работ о Гитлере, что даже «Нью-Йорк таймс» вынуждена была констатировать: «По количеству изданий этот год можно было назвать годом Гитлера». И вынуждена дать оценку этому явлению: «Как ни отвратительно это звучит, трудно не предсказать, что самое гнусное зрелище в истории цивилизации, возможно, низведено временем до «романов ужасов», в которых нечего искать исторический смысл, ибо это — мануфактура».

Верно, с точки зрения разумного подхода — мануфактура. Но ведь, как это подтверждено исследованиями немецких историков, чтобы обсудить возможности окончания войны». И — о, чудеса в решете, о, сапоги всмятку! — мир чуть было не заключили, разошлись только в самой «малости» — советская сторона настаивала на старых границах, а германская требовала границы по Днепру.

Известно, как пишут историю войны некоторые английские «летописцы»: с их точки зрения битва за Сталинград и Курская дуга — всего лишь эпизоды, а судьба войны решалась в Африке, под Эль-Аламейном, где с обеих сторон в боях участвовало... около десятка дивизий. Ни одному фокусн

30 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ГЕРОИЗМ СТРАНЫ СОВЕТОВ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Накануне 30-летия Победы «Литературная газета», «Литературен фронт» (БОЛГАРИЯ), «Зонтаг» (ГДР), «Утга зохиол урлаг» (МОНГОЛИЯ), «Культура» (ПОЛЬША) обратились к видным государственным и общественным деятелям, известным борцам за мир, писателям, деятелям искусств с просьбой поделиться воспоминаниями и чувствами, возникающими у них в эти праздничные дни. Сегодня мы заканчиваем публикацию полученных ответов.

Ульф СУНДКВИСТ,
министр просвещения Финляндии

СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ

Разгром фашизма 30 лет назад явился всемирно-историческим событием. Отмечая эту дату, миролюбивые силы во всех частях света должны делать все для того, чтобы в активные действия за укрепление мира включились все более широкие массы.

Главная задача, за осуществление которой мы должны сегодня бороться, состоит в окончательном утверждении принципов политики мирного сосуществования, в том, чтобы превратить разрядку напряженности в необратимый процесс. Продолжение переговоров по разоружению, усиление предпосылок создания безъядерных зон, запрещение всех форм дискриминации людей — вот те вопросы, при решении которых важное значение приобретают совместные усилия ООН, правительств, политических, общественных и религиозных организаций, борющихся за мир. В деле предотвращения угрозы новой войны на нашем континенте большую роль призвано сыграть общеевропейское Совещание по безопасности и сотрудничеству, за скорейшее успешное завершение которого активно выступают народ и правительство Финляндии.

Пирс ПОЛ РИД, английский писатель

ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

Большинству молодежи в Англии прививали мысль, что немцев победили англичане. Конечно, они слышали, что у нас были союзники — американцы, греки, французы... и русские, но решающие бои проходили между благородными, демократичными англичанами и жестокими тиранами — немцами.

И по сей день многие представляют военные события именно в этом свете, ибо людям так свойственно преувеличивать собственное значение. Нет практически никакой разницы между двумя мировыми войнами, так считают апологеты этого взгляда не историю: ведь Гитлер — лишь новое воплощение кайзера. Не делается ни малейшей попытки анализа сложных обстоятельств, которые привели к триумфу нацизма. Определенным кругам это было выгодно.

С разрядкой напряженности людям открылись глаза на истину. И теперь, спустя тридцать лет после окончания войны, стало наконец очевидным, что поражение Гитлера — исход борьбы, означавший поражение фашистской армии и фашистской морали — было предрешено не боями в пустынях Северной Африки или на берегах Нормандии, в Сталинграде, Ленинграде и Курске. Для Гитлера Англия и Северная Африка имели периферийное значение. В России с чудовищной силой проявилось его дьявольское безумие. В России он был побежден.

Все это раньше не было известно англичанам в большой степени из-за пропаганды «холодной войны». Недавно Марк Арнольд-Форстер снял правдивый многосерийный телевизионный фильм «Мир воюет». Арнольд-Форстер счел своим долгом показать значение Советского Союза в этой войне. Он говорит, к примеру, что на тяжелые времена уверенность русских в победе внушала спокойствие и союзнику...».

Мы знаем, сколько страдания, мужества и искусства потребовалось людям, чтобы освободить свою землю от немецкого захватчика. Мы знаем, что немцев остановили не наши бомбы, не русская зима, а доблесть советских солдат, талант советских генералов, мощь советских танков, советского оружия. Именно эти факторы оказались решающими в победе над сильнейшей и опытнейшей армией, а главное — над доктриной о господствующей расе.

До самого последнего времени никто не задумывался над тем, что многим — и в моральном плане — англичане обязаны Советскому Союзу.

Причина не в том, что англичане меньше, чем русские, любят свою родину. Причина в том, что моим соотечественникам приходилось воевать в Египте, Ливии, Бирме, Сингапуре. И солдат понимал, что в этих далеких краях он защищает не свою родину, а коммерческие интересы тех, кто стоит во главе Британской империи. Очень часто он ощущал на себе, что он чужак в этих странах. Когда, к примеру, после войны Индия добилась своей независимости, то это произошло частично и оттого, что английские солдаты вовсе не хотели оставаться там и сражаться против индийского народа.

Война жестока и бесперспективна. Но она помогает народу глубже осознать, что для него дорого, за что он готов идти на смерть. Страдания советского народа, его победа над немецким фашизмом снискали ему глубокую благодарность и глубокое уважение перед лицом истории.

Весна победная... Фото М. ТРАХМАНА

Уолтер ЛОУЭНФЕЛС, американский писатель

ЖИТЬ — БОРОТЬСЯ

В начале тридцатых годов, когда я жил в Париже, я увидел в газете заголовок «Годы» полетят: Гитлер!». Через несколько лет Гитлер провозгласил, что его рейх просуществует тысячу лет.

Большинство людей как в Соединенных Штатах, так и в других странах сегодня слишком молоды. Они знают о нацизме по книгам и школьным учебникам. Известно ли им о том, как мы в Соединенных Штатах развернули кампанию под лозунгом «Откройте второй фронт немедленно!»? Тогда лишь одна Советская Армия героически противостояла Гитлеру и «тысячелетнему» рейху.

Когда я в последний раз был в Советском Союзе, меня поразило то, что почти у всех, с кем мне приходилось встречаться, были в семье либо убитый, либо раненный во время войны. Двадцать миллионов погибших советских людей стали для меня не абстрактной цифрой, а реальностью.

30-я годовщина Победы над нацизмом — день сурового напоминания о самых страшных испытаниях, выпавших на долю человечества.

Сегодняшняя борьба за мир способствует утверждению принципов разрядки международной напряженности.

Было бы замечательно ознаменовать 30-летие Победы уничтожением всех видов атомного оружия во всех странах мира! Конечно, в мае нынешнего года это не произойдет, но можно сделать так, чтобы все объединились в борьбе за достижение этой цели, как мы объединились в борьбе с гитлеризмом 30 лет назад.

Младен ИСАЕВ, болгарский писатель

ПО ДОРОГАМ МУЖЕСТВА

Приближался новый, 1945 год.

Для участия в боях отправлялась болгарская армия. Решено было послать с армией и большой отряд деятелей культуры: — писателей, артистов, художников, журналистов. Помню, что поехали писатели Лямер, Ст. Ц. Дасков, Павел Вежинов, Димитр Чавдаров-Челкаш, Ангел Тодоров, Иван Мартинов, главный редактор «Фронтовик», Петр Славинский, Радий Ралин, Валерий Петров, Иван Бурин, Александр Гиргинов, Иван Румаников, Станислав Лилянов, Марий Ягодов и др. Мы часто выступали, иногда прямо на передовой, бойцы слушали с глубоким вниманием, как нигде до сих пор нас не слушали. Там я увидел, как живое слово писателя кратчайшим путем достигает сердца людей, к которым оно обращено.

Штаб армии находился в венгерском городе Надькониже, южнее Балатона. Северное нашего фронта к Вене продвигались войска Третьего Украинского фронта под командованием маршала Толбухина. 13 апреля они освободили австрийскую столицу. К нам в Надькониже приехали в гости советские писатели и журналисты. Мы познакомились и крепко подружились с башкирским поэтом Мустаем Керимом и драматургом Ахметшином. На машинах мы вместе отправились в Вену. С болгарской стороны были Иван Мартинов, Петр Славинский и пишущий эти строки.

Здесь Мустай Карим и Ахметшин познакомили меня с поэтом Алексеем Недогоновым, молодым, стройным офицером. Мы подружились. Долго бродили вдвоем по разрушенным кварталам. Недогонов с автоматом через плечо хмуро всматривался в окружающее. Нам часто встречались голодные австрийские дети. Недогонов доставал из походного мешка хлеб и раздавал его детям.

Вечером мы устроили скромное дружеское торжество. Какие трогательные тосты поднимались в эту ночь за дружбу, за братство, за победу! Помню, Недогонов спел нежную лирическую песню, в которой говорилось о московском Арбате, куда в шесть часов вечера после войны боец возвращается к любимой... Когда на рассвете мы расстались, я написал стихотворение «Здравица»:

Кто собрал нас здесь,
в Вене, бойцов и поэтов
из Москвы, с Балкан
и с Урала?
Над разбитою Веной
волны лунного света,
звон стаканов, пена
через краи повежала...
. . . . . .
Так споем наши песни,
где воля гуляла,
споем мы о штурмах
ночных в окровавленной тьме,
наш голос славянский
в дни чудес небывалых
будет долго звенеть здесь,
в разоренной тюрьме!

(Перевод Н. ТИХОНОВА)

Алекс Ла ГУМА, южноафриканский писатель

ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ НЕОЦЕНИМО

Прогрессивный южноафриканский писатель Алекс Ла Гума, отвечая, по просьбе «ЛГ», на вопрос советской писательницы Ларисы Васильевой о том, в чем, по его мнению, состоит историческое значение победы Советского Союза во второй мировой войне, сказал:

— Победа Советского Союза продемонстрировала всему миру, что самые передовые силы, которые способен применить против человечества империализм, могут быть разбиты страной социализма, где нет классов и групп, наживающихся на войне. Я абсолютно убежден, что победа Советского Союза в войне прямо проистекает из победы Октябрьской революции. Для африканских народов победа Советского Союза над фашизмом означала полный крах мифа о превосходстве одной расы над другой, она принесла уверенность народам колониальных стран. Не случайно именно после второй мировой войны стали подниматься национально-освободительное движение в странах Африки и Азии, добилась независимости Индия, на карте мира появились самостоятельные африканские государства. Все это — результаты победы над фашизмом, и все же борьба не окончена. В ряде стран, где господствуют капиталистические порядки, возможны проявления фашизма, пример этому моя родина — Южная Африка. Там царит фашистская идеология. И все же я уверен, что опыт народов всех стран не позволит фашизму распространиться, ибо люди все более и более понимают, что поддержка мира и прогресса необходима для сохранения всего человеческого рода.

Значение победы Советского Союза в войне для национального развития народов и их культур неоценимо.

Фашизм и колониализм уничтожают культуру, развитие же Советского Союза после второй мировой войны, его восстановительная и созидательная работа — лучший пример народам колониальных стран, которые воочию видят, как многогранно и полно развиваются национальные культуры в стране победившего социализма. И это вдохновляет нас на борьбу. Мы верим, что настанет день, когда мы сможем создать у себя в Южной Африке новое общество, основанное на принципах социализма.

— В годы войны вы, Алекс, были еще школьником, и все-таки хочется спросить: как связано с войной ваше детство?

— Самым непосредственным образом. Отец был на фронте, и вся семья с волнением ожидала вестей. Уже тогда я вполне отдавал себе отчет в том, что основную тяжесть войны несет Советский Союз. И именно с тех времен для меня неразрывно связаны понятия — Советский Союз и победа, Советский Союз и мир во всем мире.

Ив МОРО, французский публицист

ДЕНЬ РАДОСТИ, ДЕНЬ НАДЕЖДЫ

В День Победы над Парижем раздался многоголосый колокольный звон. Толпы народа на улицах и площадях... Мальчишки — продавцы газет без устали кричали: «Война конец! Победа!» Не уставали им торговцы передышки, спозаранку успевшие побывать в Сен-Жерменском лесу или в Венсене. Букетики белых душистых цветов переходили из рук в руки, символизировали великую радость. Но это был день не только радости, а и печали, потому что французы вспоминали своих близких и друзей, не вернувшихся домой... И это был день надежды для каждого из нас, надежды на лучшее будущее.

Для меня лично победа пришла значительно раньше — с освобождением Парижа. Я участвовал в движении Сопротивления, был схвачен и посажен в тюрьму, бежал и вновь присоединился к партизанам. Естественно, что в момент окончания войны на меня нахлынули прежде всего воспоминания о днях, связанных с Сопротивлением, с борьбой против оккупантов.

Советский Союз сыграл решающую роль в победе над нацизмом. Помню, как, находясь в тюрьме, каждый раз, когда нам удавалось связаться с внешним миром, мы спрашивали — что происходит на советско-германском фронте. Мы знали — именно там, на востоке Европы, решается судьба войны.

Война подтвердила историческое значение франко-советского боевого содружества. Она показала нам, французам, насколько дружба и сотрудничество двух народов отвечают национальным интересам Франции и делу мира.

Сегодня мы не должны допустить повторения прошлого. Необходимо сделать все, чтобы силы старого мира, силы империалистической реакции, развязавшие вторую мировую войну, не смогли начать третью.

Я считаю, что на европейском континенте нет более важной и неотложной задачи, чем создание системы коллективной безопасности, принципы которой разрабатываются сейчас на общеевропейском Совещании представителями 35 стран.

Народы должны навязать империализму мирное сосуществование. Мы твердо верим в успех, ибо развитие событий на международной арене происходит ныне в пользу социализма, миру и прогрессу — тем силам, которые способны гарантировать народам подлинную безопасность и мирное будущее.

ТЕЛЕГРАММА КУРТА ВОННЕГУТА

Примите мои самые дружеские поздравления с приближающейся великой годовщиной. Как я уже говорил в Москве, если бы не Красная Армия, меня бы сегодня не было в живых.

НЬЮ-ЙОРК

А. ФУРСЕНКО,
доктор исторических наук

«ДОЛГ ПЕРЕД РОССИЕЙ»

Многое из того, что относится к советско-американскому сотрудничеству в дни войны, уже опубликовано. Кажется, трудно найти что-либо неизвестное. Но, получив во время научной командировки доступ к бумагам личного архива семейства Рокфеллеров, я наткнулся на документы, значившиеся в досье под рубрикой «Россия».

Еще до вступления Соединенных Штатов в войну вопрос о ее исходе и последствиях стал предметом активного обсуждения в американских деловых и политических кругах. Большому бизнесу всегда принадлежало слово в решении подобных вопросов. Ближайший помощник Джона Рокфеллера Томас Дебуэз в письме от 23 апреля 1940 года, направленном Джону Фостеру Даллесу, тогдашнему компаньону юридической фирмы «Салливен энд Кромвелл», обслуживавшей семейство Рокфеллеров, предложил выработать политическую линию, которая могла бы быть представлена на рассмотрение президента и конгресса США. Его точка зрения была изложена в меморандуме, составленном вскоре после оккупации Дании и высадки фашистских войск в Норвегии. Главным в нем был вопрос: «должны ли Соединенные Штаты вступить в войну на стороне союзников» или начать с того, что «предоставить им всю возможную материальную помощь»? «Тысячи, а может быть, и сотни тысяч американцев, — отмечал он, — были бы спасены, если бы оказалось возможным повернуть ход войны в пользу союзников, пока они не испытывают нужды в людях, а только в материалах. Предоставление любых кредитов Соединенными Штатами и их гражданами, даже если их никогда не вернут, больше чем окупится...» В заключение Дебуэз подчеркивал, что «пришло время действовать», как того требуют жизненные интересы США.

Позиция Даллеса была иной. По его мнению, не было никакой экстренной необходимости выступать против Германии. Даллес подвергал сомнению, что победа Германии представит для США большую опасность, чем ее поражение. Он категорически высказывался против выступления США на стороне союзников. Так думал Даллес, человек, который после второй мировой войны оказался проповедником агрессивного внешнеполитического курса и, находясь на посту государственного секретаря США, активно содействовал проведению политики «холодной войны».

Когда был получен ответ Даллеса, его вместе с меморандумом Дебуэза показали Джону Рокфеллеру. Поскольку документы содержали разные оценки, последний решил привлечь к решению вопроса третье лицо, выбрав для этой цели своего бывшего однокашника по университету юриста Артура Аллена. Это был лично ему очень близкий человек, с чьим мнением Рокфеллер всегда считался.

Изучив приведенную Даллесом аргументацию, Аллен в письме от 30 мая 1940 года заявлял, что «более чем когда либо, глубоко убежден» в необходимости для Америки следовать совершенно иным курсом. Сам он уже подписал обращение к президенту США и конгрессу с призывом оказать поддержку действиям «Комитета защиты Америки путем предоставления помощи союзникам». «Вероятно, — писал Аллен Рокфеллеру, — все прежние обращения к конгрессу не могли иметь такого эффекта, какой они будут иметь теперь, когда обстановка так обострилась». Он спрашивал, читал ли Рокфеллер «две замечательные пророческие книги под псевдонимом Эрнст Генри «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР», в которых говорилось, что агрессивная политика нацистов в Европе опасна для судеб Америки.

В более подробном письме, написанном днем позже, Аллен вновь возвращался к этой теме, присоединяясь к Дебуэзу в том, что фашистская Германия представляет угрозу жизненным интересам США, а материальная помощь союзникам — наиболее целесообразный и наиболее дешевый путь защиты американских интересов. Отвергая аргументы Даллеса, Аллен отмечал, что «престиж Америки» уже «вполне определенно» поставлен в зависимость от победы тех стран, которые воюют против фашистской Германии: «Гитлер, восседающий верхом на земном шаре, — это картина, которая столь ненавистна и унизительна для всех, кто верит в идеалы свободы и правды, что трудно даже представить, как можно было бы жить в таких условиях». Считая маловероятным, что Германия в случае победы в Европе сделает попытку «немедленного вторжения» в Соединенные Штаты, Аллен тем не менее отмечал, что «создалась бы «серьезная угроза» для интересов США в разных частях мира — «как в Нидерландской Ост-Индии, так и на Бермудах, в Южной Америке, в Мексике и, возможно, в Канаде».

«Я не понимаю, — писал Аллен, — как можно смотреть на Гитлера иначе, чем на международного преступника — жестокого, безжалостного и вероломного... Для нынешнего поколения — небольшое утешение думать, что через 20, 30 или 40 лет намерения и характер Германии изменятся». В заключение своего обширного письма Аллен подчеркивал, что оказание помощи странам, сражающимся против гитлеровской Германии, диктуется насущными интересами США. Это письмо было написано накануне Дюнкерка и капитуляции Франции.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. В кампанию поддержки героической борьбы советского народа включились и прогрессивные силы Америки. 17 июля 1941 года активист движения за создание организации по оказанию помощи СССР Джон Кингсбери из Нью-Йорка направил письмо Нельсону Рокфеллеру. Он отмечал, что «никогда еще никто не сражался так храбро, как сражаются коммунисты. Мы можем петь «Пусть вечно стоит Британия» и «Боже, храни Америку», но, я думаю, мы доживем до такого дня, когда будем благодарить бога за то, что есть русские». Кингсбери цитировал известного общественного деятеля США Корлиса Ламонта, который выступил инициатором созданного позднее Национального совета американо-советской дружбы. «Советские люди останутся непобедимы, — говорил Ламонт. — Они будут сражаться на равнинах и в горах, в долинах рек, на озерах и морях. Они будут сражаться до тех пор, пока не замолкнет, канув в вечность, грохот марширующих нацистских армий». Сам Кингсбери считал, что «Советский Союз делает больше для того, чтобы спасти нас и Англию, чем любая из наших двух стран сама способна сделать сейчас для собственного спасения».

Организация, получившая название «Военная помощь России», поставила своей целью сбор средств на приобретение медикаментов, продовольствия и т. д. 4 ноября 1942 года один из руководителей «Военной помощи России» сообщал в письме Лоуренсу Рокфеллеру, что на приеме, устроенном этой организацией, «один известный банкир» сказал: «Дело, которое следует делать сейчас, — это помогать России, потому что Россия помогает нам». Этим соображением и определялась позиция большого бизнеса.

Летом 1942 года в разгар упорных боев на советско-германском фронте руководитель организации «Военная помощь России» А. Уордвелл обратился со специальным письмом к Джону Рокфеллеру с просьбой о поддержке. «Более года, — писал он, — мы следим с растущим восхищением и симпатией за героической борьбой русского народа против нашего общего врага. Эта борьба приняла такие масштабы и так тесно связана с нашей собственной судьбой, что судьбы наших стран неразделимы. Вы знаете, как много поставлено на карту в этой борьбе против Гитлера, насколько мы пострадали бы в случае победы нацизма». Помощник Джона Рокфеллера А. Пакард ответил, что его патрон считает «важной» работу, проделанную организацией «Военная помощь России», и что он лично «проявил к ней интерес». Рокфеллер призвал руководителя автомобильной компании «Форд мотор» поддержать организацию «Военная помощь России». 9 июля 1942 года он писал Эдзелу Форду, что, «если русских не поддержать в войне против Гитлера, в которой они приняли на себя в настоящее время главный удар, война будет более длительной и ее трудней будет выиграть». «У вас, — писал Рокфеллер, — большой и быстро растущий долг по отношению к русской армии и русскому народу, которые с великим мужеством и решимостью оказали сопротивление нацистскому вторжению и тем самым дали нам самим необходимое время для подготовки».

Когда же война кончилась, начал меняться и климат международных отношений. Всего через год после победы, в тот самый день, когда исполнилась первая годовщина со дня подписания акта о капитуляции гитлеровской Германии, Даллес направил Джону Рокфеллеру письмо и проект статьи о советской внешней политике с небольшими поправками она была затем опубликована в журнале «Лайф» (31 мая и 7 июня 1946 года). Хотя статья начиналась словами, что «самая насущная задача американских государственных деятелей заключается в том, чтобы выработать курс, который предотвратил бы серьезное столкновение с Советским Союзом», в действительности она заранее объявляла советскую внешнюю политику несовместимой с «нашими идеями гуманности и честной игры».

Подобно речи Черчилля в Фултоне, выступление Даллеса послужило сигналом к началу «холодной войны» против Советского Союза. Став государственным секретарем, Даллес проводил политику, которая постепенно заводила Америку в тупик.

Даллеса давно уже нет в живых. Нельзя, однако, сказать, что вместе с ним умерла и «холодная война». Только последовательный миролюбивый курс Советского Союза, только провалы внешнеполитических акций, основанных на доктрине «холодной войны», убедили американскую общественность, многих политических деятелей и еще большее число представителей делового мира в необходимости пересмотра советско-американских отношений. Нельзя не отметить, что Рокфеллеры в числе первых предприняли практические шаги с целью добиться разрядки в отношениях между США и Советским Союзом, наладить взаимовыгодные экономические связи. Рокфеллеровский банк «Чэйз Манхэттен» первым открыл свое представительство в Москве.

Как и многие другие, эти факты позволяют надеяться, что советско-американское сотрудничество, сыгравшее огромную роль в победоносном исходе второй мировой войны, несмотря на все происки его противников, выступающих против нормализации отношений между США и Советским Союзом, будет продолжаться и обеспечит мир и безопасность народам земного шара.

9 мая исполняется 30 лет со дня освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

НЕДАВНО в Праге вышла новая книга Яна Козака «Белый жеребенок». За несколько дней до того, как сборник новелл появился на прилавках книжных магазинов, наш корреспондент встретился с Яном Козаком — председателем Союза чешских писателей, членом ЦК КПЧ, известным писателем. Даря мне один из авторских экземпляров, он сказал:

— Эта книга — как признание в любви.

Сибирь, Заполярье. Охотники, метеорологи, топографы, строители новых городов, электростанций... Все три новеллы сборника Я. Козака — «Белый жеребенок», «Северное сияние», «Плотина» — посвящены им. Писатель хорошо знает и те места, и тех людей, среди которых он прожил почти год.

— В фольклоре каждого народа, — говорит он, — обязательно есть сюжет о проверке человека огнем — на мужество, силу, честность, веру. Сибирь — это проверка огнем. Огнем жизни. Люди проходят ее каждый день, всегда. Я прирос к этому краю сердцем и буду ездить туда еще и еще.

Наш разговор переходит к главной теме.

— Вся страна живет приближающимся юбилеем, — говорит Я. Козак. — Вы сами чувствуете ту приподнятую обстановку, которая царит в стране. Если меня попросили бы охарактеризовать ее несколькими словами, я сказал бы: радость, энтузиазм, вдохновение, спокойная уверенность и деловитость. Каждый честный гражданин моей родины чувствует, что он находится накануне события, которое станет одной из самых славных страниц ее истории. Ведь этот май несет нам 30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 30-ю годовщину решающего этапа национально-освободительной борьбы чехов и словаков против гитлеровского фашизма, тридцатилетие освобождения Чехословакии Советской Армией. И еще одно — тридцать лет мира в Европе, который завоеван величайшими жертвами и великой борьбой советского народа, борьбой народов Чехословакии и других стран и сохранен благодаря мудрой миролюбивой политике КПСС, Советского государства, социалистического содружества.

Вот почему подготовка к означенной дате превратилась у нас в мощное, поистине всенародное движение, и, разумеется, литераторы социалистической Чехословакии не могли быть от него в стороне. Яркий свидетельством этого стал литературный конкурс в ознаменование 30-летия освобождения Чехословакии Советской Армией. Наряду

Ян КОЗАК,
председатель Союза чешских писателей

ВЕЛИКОЕ ТОРЖЕСТВО

с нашими маститыми литераторами активное участие в творческом состязании приняли и молодые авторы. За тридцать лет с того времени, как солдаты с красными звездочками на пилотках принесли нам свободу, в стране произошли такие огромные преобразования, которые раньше не накапливались и за века. А это не может не вдохновлять деятелей искусства.

Приведу еще один пример, обратившись для краткости к статистике. В нынешнем году вышли или находятся в печати 186 книг чешских авторов — 89 романов и сборников рассказов и 39 книг стихотворений. Я сознательно не включаю в это большое число новинок детской литературы и переизданий лучших произведений чешской беллетристики прошлых лет. Таким образом, по количеству вышедших произведений нынешний год превзойдет даже 1967 год, который долгое время в издательском отношении держал первенство. Не менее обильна литературная жатва нынешнего года и в Словакии. Целый ряд вышедших книг навсегда войдет в сокровищницу нашей литературы. Вилем Завада за поэтический сборник «На пороге», Мирослав Флориан за книгу стихотворений «Инициалы», Иржи Тауфер за работу «Книги и судьбы» удостоены высшей в ЧССР награды — Государственной премии Клемента Готвальда. Еще три десятка чешских авторов отмечены другими премиями, среди них — известные в СССР Богумил Ржига, Зденек Плугарж, Иозеф Рыбак, Иван Скала, Донат Шайнер, Яромира Коларова и другие.

— Говоря о наших литературных успехах, — продолжает Я. Козак, — нельзя не упомянуть об одной из важных причин. Еще никогда чехословацко-советские литературные связи не были столь широкими, тесными и плодотворными, как сейчас. Это взаимные поездки, встречи, конференции, симпозиумы, дискуссии. А главное — книги, которые появляются потом. Эти книги — вклад в совместную борьбу за нового человека. Наше сотрудничество будет развиваться.

В заключение вопрос о его планах на будущее.

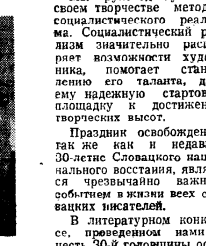
— Трудно перечислить все, что запланировано, улыбается писатель. — Но главное—это еще одна книга о Сибири, о ее людях. Я возьмусь за нее сразу же, как закончу роман, который сейчас лежит у меня на столе. Это книга о коллективизации в Чехословакии. Я обратился к этой теме, когда перестройка нашей деревни только начиналась. Теперь мой долг — показать, как много сделано с того памятного светлого мая 1945 года, так что, по существу, и эту книгу, как и «Белого жеребенка», я посвящаю 30-летию освобождения Чехословакии Советской Армией.

ПРАГА

СЕГОДНЯ мне вспоминается маленький эпизод, который произошел в первые дни освобождения Словакии от фашизма. Было это в городе Банска-Быстрица, центре Словацкого национального восстания, которое в нашей памяти неразрывно связано с огромной помощью советских друзей, наших братьев по оружию в антифашистской борьбе. Когда в город вступили части Советской Армии, двое молодых бойцов-освободителей переступили порог дома одного из известных словацких писателей. Первое, что они увидели в его квартире, был портрет Пушкина. Красноармейцы вытянулись перед ним, отдали честь, а потом сердечно поздоровались с незнакомым им хозяином дома...

Мы, словаки, в самых безвыходных ситуациях своей истории твердо надеялись на поддержку тех, кто нам так близок и кто во время Словацкого национального восстания еще теснее породнился с нами совместно пролитой кровью. Это во всех отношениях касается контактов, встреч и, наконец, сотрудничества между советскими и словацкими писателями. Мы всегда находили в Советском Союзе понимание, и, собственно, мир узнал наше творчество через русские переводы наших книг, выпущенных советскими издательствами. После 1945 года многие советские писатели побывали у нас, а мы не раз посещали Страну Советов. Были у нас радостные встречи. Но были и такие, в которых мы вспоминали тяжелые времена угнетения и эксплуатации, страшные годы фашистского ига. Как с родными братьями, делились мы с советскими писателями своими мыслями, чувствами, творческими замыслами и всегда ощущали их дружескую поддержку. Не могу не вспомнить Бориса Полевого, Константина Симонова, Сергея Михалкова, Максима Танка, Михаила Луконина, Евгения Долматовского, Леонида Новиченко, Михаила Дудина, Даниила Гранина, Генриха Гофмана и многих, многих других товарищей. Не могу не сказать здесь и о большой роли советских издательских работников, переводчиков и специалистов, заслугой которых произведения словацких прозаиков Гечки, Яшика, Илемницкого, Минача, поэтов Валека, Костры, Мигалика и в первую очередь Новомеского стали близки читателям Советского Союза. Говоря о Новомеском, я хочу подчеркнуть, что именно он был первым словацким революционным поэтом и именно он 40 лет назад участвовал в работе Первого съезда советских писателей. В тяжелых условиях буржуазной Чехословакии он в многочисленных статьях пророчески говорил о

Андрей ПЛАВКА,
председатель Союза словацких писателей



ЕДИНСТВО И БРАТСТВО

судьбах литературы и ее перспективах. В тех условиях, какие были созданы в молодом Советском государстве для творчества писателей, Новомеский видел будущее словацкой литературы.

Словацкие писатели — Гечко, Илемницкий, Краль, Минач, Беднар, Костра, Горов, Лайчак, Мигалик, Руфус, — естественно, что я называю далеко не все имена, — на основе глубокого изучения жизни нашего народа в переломный период истории создали художественную летопись наших лет. В их произведения вошли темы освобождения, радости мирного труда, чувства свободы и жизнеутверждающего оптимизма. Наши поэты и прозаики тесно связаны с народом. И поэтому они смогли прославить в своих книгах его жизнь и борьбу всем понятными словами, не прибегая к никчемному экспериментированию. В своем творчестве они, продолжая традиции классиков, выступают новаторами. Ведь социалистическая реальность требует и поиска новых художественных форм. Наша литература создала образ современного человека, получившего крещение в огне борьбы против фашизма.

Мы руководствуемся в своем творчестве методом социалистического реализма. Социалистический реализм значительно расширяет возможности художника, помогает становлению его таланта, дает ему надежную стартовую площадку к достижению творческих высот.

Праздник освобождения, так же как и недавний 30-летие Словацкого национального восстания, является чрезвычайно важным событием в жизни всех словацких писателей.

В литературном конкурсе, проведенном нами в честь 30-й годовщины освобождения нашей родины от фашизма славной Советской Армией, приняли участие представители всех поколений словацких прозаиков и поэтов. Могу сказать, что среди более 30 тысяч страниц произведений, представленных на конкурс, есть немало таких, которые, на наш взгляд, являются значительным успехом современной словацкой литературы. Несколько дней назад мы принимали переводчиков нашей литературы со всего света и познакомили их с этими произведениями. Надеюсь, что через некоторое время с переводами этих книг познакомятся и советские читатели.

Что касается моего творчества, то, как известно, авторы не слишком любят говорить о своих планах. Я тоже не являюсь исключением. Я очень благодарен редакции журнала «Иностранная литература», товарищам из издательства «Прогресс» и других редакций и издательств в Советском Союзе за выпуск моих книг, в которых пишу не только о родном народе, но и о своих многочисленных советских друзьях.

БРАТИСЛАВА

9 мая 1945 года в Праге. Кадр из военной кинохроники

Павол ГОРОВ

Партии

Родная, будь, как сталь, крепка,
как сталь, закалена,
но помни про былые дни,
былые времена:
был допог, путь,
был труден путь
к победному венцу,
ветрам
ты подставляя грудь
и вражьему свинцу.

Из омута народных бед,
им не было числа...
Тогда явилась ты на свет,
кувшинкой проросла,
на гладь утренней воды
расправив лепестки, —
восстали люди, как сады,
в дни горя и тоски!

Я знаю, мертвые мертвы,
гром не разбудит их, —
но ты формуй, но ты твори
судьбу людей живых.
Ты ясный свет, упрямый свет
среди ночных небес, —
с тобой мы шли сквозь толщу лет,
как сквозь зеленый лес.

И чем, скажи, бы наша жизнь
была, когда б не ты!
Без истины твоей пусты
банкноты правоты, —
и кровь нет над головой,
и низок сизый дым:
ведь жизнь становится живой
пишь с именем твоим!

Тебе поэт хвалу несет,
певец и воин твой,
чье слово —
будто вешний плод
иль жбан воды живой.
Народ ты будишь ото сна,
синяя не тая, —
так будь, как сталь,
закалена,
о, партия моя!

Перевел со словацкого А. ГОЛЕМБА

Йозеф РЫБАК

Люди

Люди мудры,
как сплавные реки,
Поющие, словно сплав.
Душа их чиста глубиной
прозрачной,
и, веруя в них, ты прав.

Люди будничны,
как товар на витрине,
Совершенны, что платье
по мерке.
Непригляды, словно омуты
мертвой воды.
Прекрасны,
как плодоносящие сады.

Люди упрямы,
как старые мулы.
Будто теплый очаг, добры,
Точно серп и молот
на знамени нашем, —
люди выкованы годами
борьбы,

Перевел с чешского М. ШАПОВАЛОВ

ЮЛИУС ФУЧИК В СССР

Всесоюзная книжная палата зарегистрировала «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика издавался у нашей страны 68 раз на 37 языках. Сегодня книгу Фучика прочитали многие миллионы советских людей. А впервые в нашей стране она была напечатана в 1946 году в журнале «Вітчизна». Перевел только что вышедшую в Праге книгу с чешского языка на украинский поэт Леонид Первомайский. А в последнем номере журнала «Новый мир» за 1946 год «Репортаж с петлей на шее» появился уже на русском языке в переводе одного из старейших московских литераторов И. Бархаша.

Сейчас, накануне тридцатилетия Победы и тридцатилетия освобождения Чехословакии, собрание книг Фучика пополнилось новыми изданиями «Репортажа с петлей на шее» на литовском и киргизском языках.

КТО, ГДЕ, КОГДА

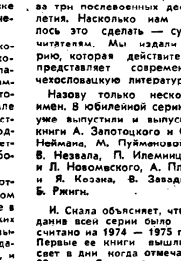
В честь юбилея

«Прошло тридцать лет со времени славных дней нашего освобождения победоносной Советской Армией. Но ничто не стерто из памяти о тех незабываемых порах. В дыму догорающих пожарищ и треске последних выстрелов второй мировой войны мы приветствовали тех, кто на танках с красной звездой принес нам свободу,— говорится в рецензии на выходящий в эти дни в Праге в издательстве «Вышеград» сборник «В Прагу въехала весна на танке». В сборник включены отрывки из воспоминаний Людвика Свободы, маршала И. С. Конева. Стихи, рассказы, отрывки из романов М. Пуймановой, В. Незвала, В. Завады, М. Майеровой, Я. Рыбака передают волнующую атмосферу незабываемых дней. Публикации дополнены фотографиями тогдашнего дня и последнего времени, иллюстрирующими огромные перемены, происшедшие в Чехословакии за три десятилетия.

Песня о Братиславе

«Мы не забудем то время, когда славная Советская Армия в своей победоносной борьбе против фашизма принесла свободу нашему городу — Братиславе... С того дня, когда в наш город вступил советский солдат-освободитель, в жизни Братиславы начинается новый исторический этап. Под руководством Коммунистической партии Чехословакии начали воплощаться в жизнь идеалы, трудившегося человека на всей чехословацкой земле, а также в Братиславе», — эти строки взяты из предисловия к книге «Песня о Братиславе», выпущенной издательством «Словацкий писатель» к 30-летию освобождения столицы Словакии Советской Армией.

Братислава является крупным экономическим, культурным и политическим центром Словакии. Большое количество прекрасных памятников старины, районы новостроек придают этому городу на Дунае неповторимый облик. Таким он встает со страниц этого красочного издания. Прекрасные работы фотомастера Камила Выскочила заслуживают высокой похвалы и благодарности. Прекрасно выполненные снимки сопровождает рассказ о Братиславе словацких писателей — Лацо Новомеского, Андрея Плавки, Войтеха Мигалика, Мирослава Валека, Яна Костры, Владимира Минача и других. Проза, стихи, публицистика дают представление и о таланте литературы современной Словакии.



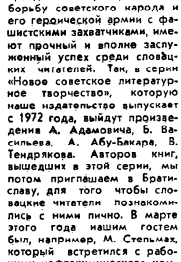
Подобного рода издания принято называть подарочными. «Песня о Братиславе» — ценный подарок читателям к дню освобождения столицы Словакии.

На снимке: книга-альбом «Песня о Братиславе»

«Оптимистическая трагедия» в Праге

На сцене Пражского национального театра недавно состоялась премьера пьесы Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия». Режиссер постановки Мирослав Мачек. Главные роли исполнили — Яна Главачова (Комиссар), Владимир Брабец (Матросы).

На снимке: сцена из спектакля



Вспоминают писатели

«Три десятилетия назад — в мае 1945 года — родилось наше освобождение, открылся путь к свободе, социализму и миру»,— пишут чехословацкий еженедельник «Новые книги», открывая рубрику «Писатели о Победе, о освобождении Чехословакии Советской Армией». Народный писатель Йозеф Томан делится с читателями своими воспоминаниями о славных майских днях 1945 года, рассказывает о том энтузиазме, которым был охвачен весь народ: «С этим энтузиазмом сразу же после майских дней мы принялись за работу во имя новой республики, с тем же энтузиазмом мы строили основы всего того, что радует нас сегодня.

Энтузиазм, великая сила социалистического строительства, будет с нами и в будущем».

В этой рубрике уже выступили видные писатели ЧССР З. Ржедакова, Я. Коларова, З. Плугарж, В. Райсел, М. Томанова, Р. Кальчик, Б. Ринга и др.

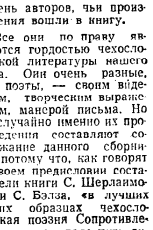
Лирика К. Симонова на чешском

Недавно в Праге вышел том избранной лирики Константина Симонова. Читатели ЧССР хорошо знакома проза советского писателя. Его трилогия «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето» вышла в переводе на чешский язык. Поэтический сборник К. Симонова, как пишет Я. Вавра, «дает нам возможность глубже понять, непосредственно прочувствовать непобедимую атмосферу военных лет, истоки твердости и мужества советских людей, посвященные стихи К. Симонова участвовали в борьбе с фашизмом и были горячо любимы читателями».

ПОЭЗИЯ, РОЖДЕННАЯ В БОРЬБЕ

«Когда тень свастики заслонила от людей солнце, сотни писателей, художников, композиторов, артистов активно боролись своим творчеством против фашизма и всех зол, которые он нес с собой.

Существовало не только мощное движение антифашистского Сопротивления, — тогда же родилось и богатейшее искусство Сопротивления, в котором, пожалуй, ведущее место заняла поэзия», — говорится в предисловии к выходящему на этих днях в издательстве «Художественная литература» сборнику «Из мрака к рассвету». В нем собрана чешская и словацкая антифашистская поэзия 30—40-х годов, часть которой была опубликована в нелегальной печати. Многие стихи увидели свет лишь после окончания войны. Янко Есенский, Станислав Костка Нейман, Йозеф и Карел Чапеки, Иозеф Гора, Мария Пуйманова, Константин Биба, Франтишек Бранислав, Витезслав Незвал, Ян Пешина, Ладислав Новомеский, Иржи Тауфер, Павол Горов, Милош Крно — это далеко не полный перечень авторов, чьи произведения вошли в книгу.



Все они по праву являются гордостью чехословацкой литературы нашего века. Они очень разные, эти поэты, — своим видением, творческим выражением, манерой письма. Но не случайно именно их произведения составляют содержание данного сборника, потому что, как говорят в своем предисловии составители книги С. Шерлаимова и С. Бэтза, «в лучших своих образцах чехословацкая поэзия Сопротивления прокладывала путь литературе нового типа — литературе социалистического общества».

«Из мрака к рассвету». Поэзия антифашистского Сопротивления Чехословакии. Перевод с чешского и словацкого. Издательство «Художественная литература». М. 1975.

ГОВОРЯТ ДИРЕКТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВ

Франтишек КОЛАР,
«Народное издательство»

ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГА

— Основная задача нашего издательства — знакомить с лучшими произведениями советской и русской литературы, а также с книгами писателей социалистических стран. За 27 лет существования мы выпустили в свет свыше трех тысяч названий книг. Более двух тысяч из них принадлежат перу литераторов Советской страны.

Мы подготовили к 30-летию освобождения Чехословакии Советской Армией много изданий, всех не перечислить. Остановлюсь лишь на некоторых. Как вам нравится эта книга?

Ф. Колар показывает большого формата книгу в подарочном оформлении — «По дорогам войны». Заглядываю в оглавление: М. Шолохов, К. Паустовский, В. Закрутин, Г. Бакланов, В. Конецкий, А. Платонов, Ч. Айтматов, В. Асеенов, Ю. Казаков, В. Белов, В. Белянинов, Н. Евдокимов.

Мы выпустили к юбилею победы «Хатынскую повесть» А. Адамовича, несколько томов мемуаров советских военачальников, немало других произведений.

— Среди наших изданий есть и такие, — продолжает Ф. Колар, протягивая толстый альбом. На обложке надпись — «Пали на поле чести и славы».

— В этом альбоме — около ста фотографий, около ста изображений памятников советским воинам-освободителям, которые стоят на чехословацкой земле как молчаливые свидетельства мужества, героизма, подвига, совершенного советским воином во имя свободы братского народа.

Праздничную дату мы отметим не только выпуском книг. Мы пригласили к себе в гости нескольких советских писателей, книги которых выходят в свет в нашем издательстве в нынешнем году, и убеждены, что их встречи с чехословацкими читателями станут достойным вкладом в празднование славного юбилея нашего освобождения.

Иван СКАЛА,
«Чехословацкий писатель»

ГЛАВНОЕ — СОВРЕМЕННОСТЬ

— Праздник наше издательство решило отметить выпуском в свет тридцати книг, которые представляли бы то лучшее, что создано чехословацкой литературой за три послевоенных десятилетия. Насколько нам удалось это сделать — судить читателям. Мы издали серию, которая действительно представляет современную чехословацкую литературу.

Назову только несколько имен. В юбилейной серии мы уже выпустили и выпускаем книги А. Запотоцкого и С. К. Неймана, М. Пуймановой и В. Незвала, П. Илемницкого и Л. Новомеского, А. Плавки и Я. Козака, В. Завады и Б. Рингра.

И. Скала объясняет, что изданив всей серии было рассчитано на 1974 — 1975 годы. Первые ее книги вышли в свет в дни когда отмечалось 30-летие Словацкого национального восстания. Это были роман В. Минача «Смерть ходит по горам», посвященный героизму повстанцев, и сборник «Десять словацких поэтов». Сейчас вышли уже 23 томиков этой серии.

— Последние несколько книг выходят в ближайшее время. К концу мы завершим выпуск всей юбилейной серии, — говорит И. Скала.

В ближайшее время выходит и поэтический сборник И. Скалы. Он будет называться «Что беру с собой в дорогу»...

— О чем ваше новая книга?

— О моей стране, о мае, о войне, о дне победы, о странствии на Дукле, о моих московских друзьях. О жизни, о ее уроках, которые бывают иногда жестоки, о ее великих ценностях, об общности людей, о единой судьбе нашей планеты, о мире, который нужно беречь и защищать.

Матей АНДРАШ,
«Словацкий писатель»

ТВОРЧЕСКАЯ ДРУЖБА

— Мы регулярно выпускаем книги советских авторов. Причем не только художественную прозу и поэзию, но и книги по литературоведению. Например, в этом году выйдут в свет «Силуэты» А. В. Луначарского, «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы» М. Б. Храпченко. Любители поэзии с большим интересом ожидают выхода книги Э. Межелайтиса «Ночные бабочки». Готовятся к выпуску роман И. Мележа «Люди на болоте», книга И. Андроникова «Я хочу рассказать вам...», «Ключ журавлиный» М. Танка, «Последний поклон» В. Астафьева.

Произведения советских писателей, всесторонне и правдиво раскрывающие борьбу советского народа и его героической армии с фашистскими захватчиками, имеют прочный и вполне заслуженный успех среди словацких читателей. Так, в серии «Новое советское литературное творчество», которую наше издательство выпускает с 1972 года, вышли произведения А. Адамовича, Б. Васильева, А. Абу-Бакара, В. Тендрякова. Авторов книг, вышедших в этой серии, мы потом приглашаем в Братиславу, для того чтобы словацкие читатели познакомились с ними лично. В марте этого года нашим гостем был, например, М. Стельмах, который встретился с рабочими нефтехимического комбината «Словнафт», студентами города Трнавы, активистами Союза чехословацко-советской дружбы в Братиславе. Очень интересный разговор состоялся у него с молодыми словацкими писателями и сотрудниками нашего издательства. Мне особенно приятно, что М. Стельмах во время своего пребывания у нас решил начать работу над романом о Словацком национальном восстании, используя исторические факты совместной борьбы советских и словацких партизан против фашистов.

ЖЮРИ ПОДВОДИТ ИТОГИ...

Более ста прозаических произведений, стихотворных сборников и литературоведческих работ было представлено на конкурс, объявленный Союзом чешских писателей, Чешским литературным фондом и несколькими центральными издательствами республики в честь 30-летия освобождения Чехословакии Советской Армией.

— Союз чешских писателей почти ежегодно устраивает литературные конкурсы, посвященные той или иной теме, — рассказывает член жюри, главный редактор журнала «Литературни месячник» писатель О. Рафай. — Однако ни разу еще в наших конкурсах не принимало участие так много опытных писателей и начинающих литераторов. Можно без преувеличения сказать, что этот конкурс стал самым массовым в нашей литературной в республике.

Первая премия по разделу прозы присуждена известному писателю И. Рыбаку за роман «Сплита и клоф». Две вторые премии получили молодой инженер-вогтехник Я. Кострум за роман «Медоносики» и публицист, многолетний сотрудник редакции «Руде право» И. Стано за книгу «Остравские рассказы». Книга О. Дуба «Как быть дальше, доктор Бек?» удостоена третьей премии.

Среди поэтов победителем конкурса стал И. Скала. Вторая премия присуждена Д. Шайнеру, третью получил Я. Пилярк.

В подготовке этой страницы принимали участие корреспонденты ТАСС в Праге М. АБЕЛЕВ, Б. КРАЕВСКИЙ и корреспондент АПН в Братиславе А. ШАМШИН.

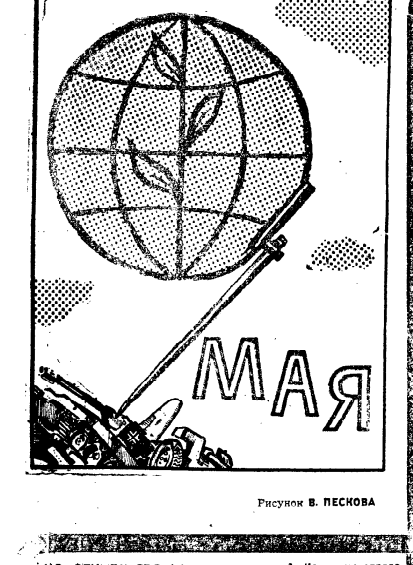


Рисунок В. ПЕСКОВА

«В ОДЕССЕ ВСЕ МОГУТ!..»

Рассказывают вице-адмирал в отставке И. И. Азаров и поэт Григорий Поженян

ОДЕССА всегда остается Одессой. Когда в осажденной Одессе появилось первое орудие, захваченное у врагов, его возили по городу с надписью: «Она стреляла по Одессе. Больше она стрелять не будет!».

— В Одессе все могут! — сказал вице-адмирал в отставке Илья Ильич Азаров. Илья Ильич это знает точно: в самые тяжкие для Одессы времена он был членом Военного Совета. — Как представитель флота, я тянулся к своим, к морякам. А они тянулись ко мне. Однажды группа разведчиков, в которой были одни моряки, перешедшие с кораблей на сушу, чтобы защищать Одессу, особенно отличилась. На заседании Военного Совета нам доложили, что моряки захватили очень важного «языка».

...Приехал я в Татарку, где стоял отряд, собрал их в халупе и говорю: «Спасибо, ребята. Не знаю уж, как вас и благодарить!.. Просите, что хотите!..» Ребята совсем молодые, горячие. Просят самое неожиданное: компот!.. Я повторяю свой призыв и прошу отнестись к делу серьезно! Думал, наверно, попросят или еще чего!.. Нет, настаивают на компоте!.. В чем дело?! Оказывается, моряки прирешены к кавалерийской дивизии, там свои нормы, свои порядки. А матросы, которые уже служили на флоте по три-четыре года, привыкли получать ежедневно компот. Словом, всеми средствами они отстаивали свои морские «традиции». Но в первую очередь — право сражаться там, где всего труднее.

Ну, вызвал я начпрода, уладил вопрос с компотом. Еще чего хотите?.. Говорят, что у Анки — молодой разведчицы — нет обуви. Спортивные туфли сносились, сапоги есть только сорок первого размера, а у нее — тридцать шестой! Человеку в такой обуви ходить по лиманам!.. Тут полился еще один разведчик. Кажется, его фамилия была Иван Гура. Огромного размеров!.. Можно?» Секретарь мне отвечает: «В Одессе все могут!..»

И действительно, через двадцать шесть часов все было готово. Вот я и говорю: Одесса всегда остается Одессой!

Третья просьба моих разведчиков тоже была выполнимой. Моряки обратили мое внимание на то, что исполняющий обязанности командира матрос по прозвищу Уголек — без пистолета. Как это так; командир, а без личного оружия?! Я тут же достал свой собственный пистолет и с радостью вручил его их командиру... От всего сердца сделал это!.. Не подумав в этот момент, что надо бы написать приказ и провести... Пусть простите, по давности я этого не сделал в тот момент!.. А вышло... Плохо потом вышло. Я виноват. Но расскажет эту историю пусть сам: Уголек, а полностью — Григорий Михайлович Поженян, бывший моряк, теперь известный поэт, автор популярных песен, сценарист и режиссер, создавший несколько картин. Словом, пусть он сам вам все расскажет...

— Я, — говорит Поженян, — носил этот пистолет всю войну. Гордился им. И, конечно, не скрывал. После войны привез домой. Меня спрашивают:

— А разрешение на хранение оружия?

— Нету...

Я-то думал, что все на свете знают, как мне адмирал вручил пистолет. И при каких обстоятельствах!.. А доказать ничего нельзя: нет у меня разрешения на оружие!.. Хорошо, что в самый критический момент пришла телеграмма... От вице-адмирала Азарова. В ней все и объяснялось...

В МОЕМ рассказе имеется главное действующее лицо, как в театре. Фамилию этого человека я называть не буду и как-нибудь из скаку, не хочу подводить человека и создавать ему трудности на работе. Если бы я только одно его имя привел — Сергей или, скажем, Анатолий, кому надо, сразу бы сориентировались, потому что у народа сильная тяга к искусству, он стал очень подкованный. По телевизору то и дело передают детективы, и теперь почти каждый зритель по любой малости способен до главного докопаться.

А сейчас перейдем к делу.

Главное действующее лицо — участник битвы за Берлин, гвардии старшина, скажем, Егоров. Вообще-то его фамилия не Егоров, хотя в той битве, надо думать, немало Егоровых участвовало.

Егоров, о котором я веду речь, служит администратором в одном театре, в каком, не скажу. Условно сообщу — в детском театре, хотя он, конечно, не в детском работает, но это я для маскировки. Егорова я знаю хорошо, с ним войну прошел, даже в одно время в госпитале лежал после ранения. С ним же вместе и победу праздновал. Что я могу про него сказать? Отважный, веселый, политически грамотный, хороший товарищ и исключительно большой мастер фантазии.

О том, что он причастен к театру, я узнал случайно. Как-то пришелся я на новую постановку, на какую, не скажу, билетов, само собой, в кассе ни одного. Дай, думаю, схожу к администратору. Подхожу, и кого же я вижу в окошке? Родного старшину Егорова.

Не буду говорить, что получили мы с супругой места в ложу, что потом дома у нас посидели, проговорили до утра, товарищей вспомнили, и тут Егоров мне и сказал, что он теперь в столице вроде бы как начальник штаба. Театр его известный, все туда рвутся, и местные, и командированные, и многие на Егорова выходят — подзарчиться насчет билетиков. И можете представить, так он многих однополчан нашел. Кто к нему в театр попал, тот в свою очередь дружкам и боевым соратникам сообщает. Такая в итоге получилась непрерывная связь. Егоров смеется — был бы я, говорит, директором ГУМа, там все понятно, многие мечтают приобрести кой-чего из дефицита, а тут театр.

И вот зачастил я в этот театр, все, что идет, пересмотрел, даже с артистами познакомился.

Последний раз совсем недавно, когда у Егорова был, он мне сказал, что наметил провести операцию под кодовым названием «Землянка». Что именно он задумал, я вам пока не скажу. Скажу только, что в результате получилось, как он применил свою богатую фантазию.

Егоров шести москвичам и пяти приезжим бумажки раздал — приказываю явиться в гражданском при всех орденах и медалях, такого-то мая, в пятнадцать тридцать по адресу такому-то — одним словом, в театр.

Получили и я такое предписание и явился пораньше, а там у Егорова в кабинете товарищи, они раньше меня прибыли. Когда все собрались, Егоров говорит — или давайте заскочим в буфет, или еще чуток подождем и потом проследуем куда надо.

Ровно в пятнадцать сорок пять подает он команду: «Ветераны, за мной!» Идем мы гуськом по коридорам, потом видим впереди два огонька, шагаем на их слабый свет и оказываемся, где бы вы думали? В большой фронтовой землянке. Ну, натуральная землянка! Потолок в два наката, стол, табуретки самодельные, две настольные лампы образца тех лет из снарядных гильз. Мы как вошли, прямо речи лишились. Никто такого не ожидал. Получилось, что все мы из майского дня семьдесят пятого года перенеслись в далекую свою молодость.

Теперь я скажу, откуда взялась землянка. В театре в тот день шла постановка на тему Великой Отечественной войны, два спектакля было — дневной и вечерний. И попросил Егоров у главного режиссера в перерыве между спектаклями разрешить коротко погостить ветеранам в этой декорации.

Не скажу, что стали мы в землянке с ходу воспоминаниями делиться, мол, помнишь безымянную высотку? Помнишь бой за населенный пункт Тишково? И так далее, и тому подобное. Не одни ведь однополчане собрались, да и, кроме того, в первые минуты никому никого не хотелось говорить. Мы сели кто где, все молчали, и каждый скорее всего думал о своем, свое вспоминал. А тут еще тихо откуда-то музыка, наверно, радио включили, и полилась песня военных лет.

Сидим мы всей братией, слушаем песню, на душе у каждого волнение, печаль и, конечно, радость. Печаль, что потеряли добрых друзей, и радость, что одержали историческую победу.

Егоров сидит на табуретке, и можете представить, у него слезы на глазах. Такой затейный был малый, а тут сразу расчувствовался. Возраст — он, конечно, свое действие оказывает, но, мне думается, не в этом дело. А в чем дело, каждый поймет. Минут пять прошло, малость обжились мы в этой землянке, друг на друга посматриваем, словами обмениваемся, и вдруг позывные — «Широка страна моя родная». Я на Егорова глянул — очень у него лицо напряженное. И тут раздается голос из динамика, голос, который с войны все помнят: «Внимание! Говорит Москва. От Советского Информбюро...»

И вот слушайте, что еще наш Егоров придумал. Диктор начал читать сводку, но не обычную, какие тогда передавали. Егоров у каждого разузнал, и у меня в том числе, про самый памятный бой, про ту атаку, что могла стать последней, — одним словом, про главные мгновения, главные часы, главные дни из той тысячи с лишком дней, что каждому довелось провоевать. Один про Харьков услышал, другому диктор Прохоровку напомнил, третьему Одру на Днепре, кому что. И такая, это была необыкновенная сводка, что все опять онемели.

Диктор читал про полк, в котором Матвеев служил, мы на Матвеева смотрим — он седой совсем, а глаза горят, хоть прикуривай. Говорит диктор о рукопашной под Курском, мы обращаем взгляды на бывшего лейтенанта, а ныне инженера Калягина. Каждый о своем услышал, каждый свое пережил...

Мы, конечно, поняли, что этот монтаж составил и сообщил диктору наш уважаемый начальник штаба, бывший ротный старшина, а в наши дни — человек искусства, к слову сказать, заслуженный работник культуры.

Диктор замолчал, и тут началось. Один другому руку жмет, обнимаются фронтовики. Егорова в объятиях тискают, а он доволен, простотаки сияет. Он говорит: «Солдаты, тихо!»

И опять вступает голос диктора. Когда все собрались, Егоров говорит — или давайте заскочим в буфет, или еще чуток подождем и потом проследуем куда надо.

Ровно в пятнадцать сорок пять подает он команду: «Ветераны, за мной!» Идем мы гуськом по коридорам, потом видим впереди два огонька, шагаем на их слабый свет и оказываемся, где бы вы думали? В большой фронтовой землянке. Ну, натуральная землянка! Потолок в два наката, стол, табуретки самодельные, две настольные лампы образца тех лет из снарядных гильз. Мы как вошли, прямо речи лишились. Никто такого не ожидал. Получилось, что все мы из майского дня семьдесят пятого года перенеслись в далекую свою молодость.

Теперь я скажу, откуда взялась землянка. В театре в тот день шла постановка на тему Великой Отечественной войны, два спектакля было — дневной и вечерний. И попросил Егоров у главного режиссера в перерыве между спектаклями разрешить коротко погостить ветеранам в этой декорации.

Не скажу, что стали мы в землянке с ходу воспоминаниями делиться, мол, помнишь безымянную высотку? Помнишь бой за населенный пункт Тишково? И так далее, и тому подобное. Не одни ведь однополчане собрались, да и, кроме того, в первые минуты никому никого не хотелось говорить. Мы сели кто где, все молчали, и каждый скорее всего думал о своем, свое вспоминал. А тут еще тихо откуда-то музыка, наверно, радио включили, и полилась песня военных лет.

Сидим мы всей братией, слушаем песню, на душе у каждого волнение, печаль и, конечно, радость. Печаль, что потеряли добрых друзей, и радость, что одержали историческую победу.

Егоров сидит на табуретке, и можете представить, у него слезы на глазах. Такой затейный был малый, а тут сразу расчувствовался. Возраст — он, конечно, свое действие оказывает, но, мне думается, не в этом дело. А в чем дело, каждый поймет. Минут пять прошло, малость обжились мы в этой землянке, друг на друга посматриваем, словами обмениваемся, и вдруг позывные — «Широка страна моя родная». Я на Егорова глянул — очень у него лицо напряженное. И тут раздается голос из динамика, голос, который с войны все помнят: «Внимание! Говорит Москва. От Советского Информбюро...»

И вот слушайте, что еще наш Егоров придумал. Диктор начал читать сводку, но не обычную, какие тогда передавали. Егоров у каждого разузнал, и у меня в том числе, про самый памятный бой, про ту атаку, что могла стать последней, — одним словом, про главные мгновения, главные часы, главные дни из той тысячи с лишком дней, что каждому довелось провоевать. Один про Харьков услышал, другому диктор Прохоровку напомнил, третьему Одру на Днепре, кому что. И такая, это была необыкновенная сводка, что все опять онемели.

Диктор читал про полк, в котором Матвеев служил, мы на Матвеева смотрим — он седой совсем, а глаза горят, хоть прикуривай. Говорит диктор о рукопашной под Курском, мы обращаем взгляды на бывшего лейтенанта, а ныне инженера Калягина. Каждый о своем услышал, каждый свое пережил...

Мы, конечно, поняли, что этот монтаж составил и сообщил диктору наш уважаемый начальник штаба, бывший ротный старшина, а в наши дни — человек искусства, к слову сказать, заслуженный работник культуры.

Диктор замолчал, и тут начал